

Б И Б Л И О Т Е К А

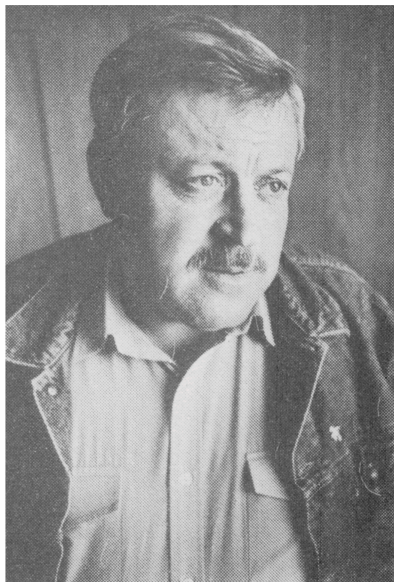
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 25

1990

Александр БОЛОТИН

КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

Б И Б Л И О Т Е К А «О Г О Н Е К» № 25

Издается с января 1925 года.

Александр БОЛОТИН

КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Александр БОЛОТИН

Александр Юрьевич Болотин — коренной москвич. После окончания средней школы — фрезеровщик на заводе, затем будучи монтажником объездил всю страну. Работал на стройках Севера и Дальнего Востока, Урала и Сибири... В 1965 году поступил на заочное отделение факультета журналистики МГУ и был принят в газету Московского пароходства «Московский водник». С 1968 года работал в «Вечерней Москве»: корреспондент, заведующий отделом строительства, городского хозяйства и быта. В 1984 году — заведующий литературной группой, специальный корреспондент газеты «Труд». В «Огоньке» с 1987 года. В настоящее время — член редколлегии, редактор отдела публицистики.

Александр Болотин — лауреат премии Московской организации Союза журналистов СССР и журнала «Огонек».

10-я ПЛОЩАДКА

60-е годы... Тяжело и сурово, в обстановке глубочайшей секретности создается ракетно-ядерный щит нашей родины. Одним из выдающихся его создателей был замечательный советский военачальник, заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий ракетными войсками, главный маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин. Рассказ о нем и о тех, кто навсегда остался там, где произошло это трагическое событие, кто ценой своей жизни расплатился за достигнутое равновесие в обороноспособности двух великих держав. В этом рассказе мне не уйти от личных воспоминаний и остается только благодарить наше время, что оно позволяет вернуться в ту далекую, трудную, но прекрасную пору.

Когда мы были молоды...

«Я разные годы сближаю, ворочаюсь, глаз не сомкну, мне кажется, — я уезжаю на очень большую войну», — рефреном, в такт стуку колес бьется во мне эта стихотворная строчка, и я действительно ворочаюсь на верхней полке плацкартного вагона, а за окном бегут розовые тени, словно отблеск пылающего от заката неба, какое бывает лишь на загадочных полотнах Рериха или Рокуэлла Кента, и нам, наверное, кажется, что мы уезжаем на большую Войну, хотя бы потому, что в поезде много военных, золотые пушечки на черных петлицах — традиционная эмблема артиллеристов и ракетчиков.

А на горизонте пылает охваченное закатом небо. ...Это небо нашей юности, наших тревог и надежд!

За Аральским морем резко темнеет, тени исчезают, в окно вползает ночная прохлада, я пытаюсь заснуть, но заснуть, конечно, не удастся, потому что сонный вагон потихоньку приходит в движение, точечками в ночи уже мерцают огни Казалинска, плачет разбуженный ребенок, то и дело хлопает дверь в тамбур, в пассажирах нарастает нетерпение — прошло почти трое суток, пока скорый поезд преодолевает расстояние от Москвы до этих выжженных солнцем, богом забытых казахстанских степей. Станция Тюра-Там...

Только спустя много лет выяснилось, что в переводе с казахского Тюра-Там означает «священное место», здесь располагался Мазар — мо-

гильный памятник святого, что и предопределило название станции. Кто бы мог тогда об этом подумать?

Тогда еще не получили своего распространения звучные, ныне всемирно известные названия — космодром Байконур, Звездоград, Ленинск... Каждый населенный пункт имел свое цифровое обозначение: «десятая» площадка — жилой городок, «девятая» площадка — аэродром, «вторая» площадка — рабочая зона, «тринадцатая» площадка... — естественно, кладбище. Впрочем, я несколько упрощаю эту схему, площадок было гораздо больше: на месте «великих пустынных пространств» в те годы, как грибы после дождя, вырастали ракетные старты, человек стремился отсюда в космос, человек учился здесь владеть грозным ракетным оружием.

«Десятка» была заложена 5 мая 1955 года — сюда направлялись крупные подразделения военных строителей, с первого советского ракетного полигона в Капустинном Яру перебрасывались техника и специалисты, начинал действовать штаб нового испытательного полигона. Тюр-Там осваивали тысячи военных.

Ну, а причем здесь мы, сугубо гражданские люди?

...Мы — это заводская московская шпана с Балашихи и Одинцова, Потылихи и Марьиной рощи, Ростовских, Голутвинских и Рогожских переулков, как правило, не обремененные семейными узами, «безлошадные», как называли нас более пожилые коллеги, срочно набранные в невзрачных московских строениях без вывесок, отличающихся друг от друга номерными знаками «почтовых ящиков», где молодцеватые начальники отделов кадров с выправкой кадровых военных после необходимых длительных проверок выписывали нам многомесячные командировки на строительство странных и таинственных объектов, которые, оказывается, не могли обойтись без умения сварщиков, монтажников, механиков и компрессорщиков, людей самых различных, но в общем-то прозаических профессий.

Самое лучшее время года здесь ранняя весна: еще не наступила летняя изнурительная жара, утренники звонкие от прохладного ветра, в степи кое-где можно увидеть красные и желтые тюльпаны, в небе разлита поразительной густоты голубизна. Как легко и свободно дышится в эти дни! С каким упоением пели мы тогда кем-то сочиненную беспростную песенку на простенький мотивчик, где были такие слова: «Засыпают пески, ночью там холода, саксаул там растет, привозная вода, Тюр-Там, Тюр-Там, никогда не забыть тебя нам».

«Вторая» площадка, названная впоследствии «Гагаринским стартовым комплексом», многократно описана, показана в кино и по телевидению. Сколько раз приходилось вместе с товарищами снимать с помощью крана, «штопать» после пусков и ставить на место стальные решетчатые конструкции ферм «силового пояса» — они хорошо узнаваемы, когда при подъеме ракеты распадаются, будто лестницы необычного огненного «цветка». Но я, по-моему, ни разу не видел в ракурсе кино-

и телекамер то, что находится ниже горизонта стартового «козырька», а именно лабиринты технических помещений, начиненные сложными системами кабелей, различными машинами и приборами, обеспечивающими жизнедеятельность уникального инженерного сооружения, каким является космодром. Там свое, невидимое миру царство с крутыми железными лестницами и гулками бетонными переходами, где всегда прохладно и бесконечно тянутся толстостенные, рассчитанные на сверх-высокое давление нержавеющие трубы.

Там, на своем обычном рабочем месте, в помещении, условно именовавшемся тогда «шестигранником», я познакомился с Лейтенантом.

...Мучительно симпатичны мне лейтенанты той поры, мои одногодки, такие же задиристые и бескомпромиссные, с такими же ясными мальчишескими лицами и такие же, как и мы, в сущности, незащитные перед временем и перед своей судьбой.

У нас, гражданских, с лейтенантами были подчас непростые отношения. Во-первых, многие из монтажников уже отслужили армию и, ощущая легкий дурман от неподвластности военным порядкам, смотрели вообще на всех людей с погонами свысока, во-вторых, каждый из нас немножко кичился своим положением — все-таки приехали аж из самой столицы, а если еще и деньги платят немалые, то, значит, точно незаменимые. Лейтенанты, судя по всему, больших денег не получали, мирские соблазны, доступные нам во время не частых, но в принципе регулярных отлучек в Москву, ходили от них в стороне. Дни, как мне казалось, сливались у них в непрерывную будничную цепь: днем — работа на старте, вечером — офицерское общежитие с небольшими радостями типа кино или преферанса. Думаю, исходя из этих обстоятельств, что особой любви они к нам тоже не испытывали.

Но когда полным ходом разворачивалась подготовка к запуску ракеты и приходилось забыть про кино и преферанс, потому что рабочий день нередко переходил в рабочую ночь, то все мы — и военные, и гражданские — невольно соединялись в одно целое, да и жили по одному графику, который каждому диктовал быть неукоснительно расторопным и четким. Работа нас сближала, да и времени не было для выяснения отношений.

Однажды во время такой предстартовой горячки у нас на «шестиграннике» упало давление в системе труб, которая в момент подъема ракеты разбрызгивает жидкий азот, чтобы сбить мощное пламя, бьющее из сопел двигателей. Было необходимо быстро найти и устранить образовавшуюся течь. Для меня это было дело не новое, но Лейтенант, только что включенный в боевой расчет системы, хлопал глазами, удивленно рассматривая замысловатые пакеты трубных соединений, инжекторы, предохранительные клапаны и прочие хитрые «штучки».

Я быстро объяснил ему, что надо делать, и мы, где ползком, где обдирая локти об острые бетонные уступы, в течение нескольких часов внимательно осматривали каждое фланцевое соединение, каждый свар-

ной стык. Лейтенанту явно не хватало сноровки, я видел, как он не раз больно ударялся головой о выступающие кронштейны, к тому же порвал комбинезон и чуть не потерял фуражку в хитросплетениях труб. Я хотел обозвать его салагой, но сдержался. Мы искали течь, обмазывая каждый стык мыльной пеной, и когда наконец запузырилась невидимая глазу тончайшая струйка, я и Лейтенант неожиданно для себя облегченно рассмеялись. Потом мы вылезли на свет божий, на площадку для курения и долго грелись на солнце — грязные, растерзанные, со сбитыми в кровь руками, с синяками и шишками на лице. Вот это было блаженство...

С Лейтенантом мы подружились.

А, собственно говоря, чего нам было делить — детям одной эпохи, родившимся в один и тот же памятный год, когда в окна домов часто горел ночью свет и люди вздрагивали, ожидая зловещего звонка или стука в дверь. Эта эпоха вместила в себя помпезную почитаемость незыблемых Истин и страшную войну, отнявшую у нас отцов, послевоенный голод с единственной мыслью в буквальном смысле выжить, и конфетно-пряничное лицемерие пионерских сборов, где заученно скандировалось: «К борьбе за дело Ленина — Сталина всегда готов» (можно представить себе пионера, готового к делу Сталина). Эта эпоха вместила в себя неустроенный быт и коммунальные кухни, и даже обещанный нашему поколению коммунизм, который должен был наступить где-то в конце очередной семилетки, был принят на веру, потому что думать нас отучали еще со школьной скамьи, вдавливая в голову, будто бы вся история нашего государства — сплошное перечисление «грандиозных свершений и достижений».

Но мы-то свято верили в высокие идеалы...

Эвакуация

В жаркие воскресные вечера, когда «десятка» отдыхала в сладкой истоме, на берегу Сырдарьи играл оркестр, в конце только что разбитого парка светилась огнями небольшая, выкрашенная в блеклые синие тона раковина, к которой примыкал танцевальный пятачок — место сбора местных пижонов и немногочисленных обитательниц расположенного неподалеку женского общежития. Плыли над обмелевшей рекой вальсы и фокстроты, иногда налетавший из степи ветерок подхватывал запах шашлыка, который жарили здесь же на мангале, и тогда невольно приходило иллюзорное ощущение какой-то курортной безмятежности. Когда выпадал случай, толкались здесь и мы с Лейтенантом.

Мне кажется, что в Тюра-Таме нам с Лейтенантом не хватало моря.

Мне, потому что в то время я его еще ни разу в жизни не видел, ему по иной причине — он родился в маленьком южном городе, где утренняя смена портовых рабочих перемещивалась с толпой отдыхающих, бегущих на пляж, а ночью у входа на рейд важно трубили рас-

цвеченные огнями большие пассажирские теплоходы, делавшие здесь кратковременную остановку.

В те дни, помнится, я открывал для себя Паустовского и море входило в меня вместе со стихотворной строкой Бориса Пастернака, взятую писателем эпиграфом к одной из блестящих своих повестей: «Придается все, лишь тебе не дано примелькаться...»

Тот томик Паустовского я таскал с собой по командировкам. Лейтенант попросил дать почитать, а когда через несколько дней возвращал книгу обратно, вдруг неожиданно поклялся, что в первый же свой отпуск обязательно заедет в Ялту и ночью, если, конечно, повезет, с акватории моря попробует увидеть в бинокль, как горит освещенное лампой с зеленым абажуром окно чеховского кабинета.

Лейтенант был немножко романтиком... Но говорить откровенно о своих чувствах у нас, естественно, тогда было не принято.

Где найдет ночлег монтажник космодрома, какая крыша приютит его? Может быть, в «Деревянной» гостинице на «десятке», где в свое время нередко квартировал печальной памяти известный предатель Пеняковский, или поедет в «Зал Чайковского» — так мы прозвали огромный, наспех сколоченный барак на одной из площадок, в нем отсутствовали перегородки и несколько сот человек могли отдыхать как бы в одной спальне.

Ночью «Зал Чайковского» стонал во сне, всхлипывал, скрипел зубами, храпел, что-то жевал, плакал, под его сводами плескалась могучая симфония с децибелами в добрых пятьсот мужских глоток. Словно светлячки во тьме, ядовито мелькали самодельные ночники, сделанные из выпаренных в ведре с кипятком черепак, вместо внутренностей в их непробиваемый панцирь заворачивались пальчиковые лампы. Это было повальное увлечение всех площадок космодрома — благо поделочный материал ползал под ногами.

Легко понять состояние каждого из нас, когда бригаду неожиданно перевели на «двойку» и после «музыкального зала» мы попали в престижную трехэтажную гостиницу, где обычно селили космодромную элиту — команды инженеров-испытателей из КБ, академиков С. П. Королева и В. П. Бармина. Здесь в комнатах жили не более чем по четыре человека.

...На исходе была весна 1960 года, космодром готовился к запуску первого космического корабля-спутника, гостиницы были переполнены, каждое утро на старт отходили автобусы с учеными, испытателями, монтажниками. Основные работы в этот период были сосредоточены в монтажно-испытательном корпусе, где стыковались узлы ракеты, опробовались все ее системы. Но и к нам на «козырек» иногда залетала белая «Волга» за номером «ОО-01» — персональная машина Сергея Павловича Королева.

За Королевым обычно ходила свита военных. В ней выделялись два полковника — начальник отдела испытаний Евгений Ильич Осташев и руководитель стартовой команды Александр Иванович Носов. В Осташеве угадывался моторный мужик из той породы людей, которые упиваются делом, которым они заняты. Спустя годы, когда довелось познакомиться с его биографией поближе, я понял, что тогда не ошибался. Способный паренек из подмосковного поселка Кудиново, ныне город Электроугли, учился в 30-е годы в Ногинской школе, все успевал, всем увлекался. Он был прекрасным шахматистом и заядлым фотолюбителем, читал книги о космосе, писал заметки в «Технику — молодежи» и журнал «Знание — сила». Сразу со школьной скамьи Осташев ушел на фронт и закончил войну командиром роты в звании старшего лейтенанта.

Группа офицеров космодрома была высоко отмечена за запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году. Тридцатитрехлетний Евгений Осташев стал тогда лауреатом Ленинской премии. Без защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук.

Полковник Носов — этакий военный интеллигент в очках, хорошо помню его куда-то вечно спешащего с бумагами или читающего приказ перед строем офицеров. Говорят, что с Королевым у них доходило чуть ли не до драки.

Сергей Павлович, который мог невзначай заметить министру: «А вы вообще помолчите, вы-то меньше всех в этом понимаете», — вдруг обнаружил, что какой-то полковник делает строгие замечания работникам его конструкторского бюро, предлагая немедленно устранить недостатки, обнаруженные при проверке систем ракеты. Власть у Королева была большая, но, естественно, на военных она имела определенное ограничение. Тем не менее измученный бессонными ночами, испытывавший огромное нервное напряжение, главный конструктор потребовал: «Уберите Носова с площадки, иначе результатов не будет». С большим трудом удалось уговорить его не делать поспешных выводов, убедить, что все «придирки» полковника идут на пользу делу. К чести Сергея Павловича, когда все было позади и первая межконтинентальная ракета, о которой идет речь, была принята на вооружение, он первым извинился перед Носовым и даже поблагодарил его за принципиальность и дотошность.

На запуске ракеты, которая вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли в ночь с 4 на 5 октября 1957 года, Александр Иванович Носов был пускающим. Это он в бункере давал команды, объявлял десяти-, пятиминутную готовность. Это он в тот исторический момент почти выкрикнул: «Пуск!». За ту памятную космическую победу полковник был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Мы упивались комфортом в гостинице на «двойке», тем более что жили вдвоем в комнате на четверых, все свои, кроме меня, еще Саша

Рябцев, с которым в свое время работали в Москве на Дорхимзаводе, и Витя Строков, не помню, кажется, он был из Подмосковья. По вечерам в столовую не ходили, Витя был отменный кашевар, ему мы полностью доверили закупать продукты в общий котел, готовить на электрической плитке ужин. Но главным была работа.

Удивительно радостно ощущать себя нужным на «kozyрьке», который вознесся над степью на могучих бетонных опорах, меж ними виден уходящий на несколько десятков метров вниз плавный изгиб «экрана», отражающий в момент пуска огненные струи ракетных двигателей, вверху между стрелами антенн поднимается замысловатая пирамида ферм обслуживания, «силового пояса», кабель-мачты. В тихие весенние вечера, когда стихал ветер и на стартовую площадку мягко опускались сумерки, сидели мы нередко с Лейтенантом где-нибудь на верхотуре — что-то сверлили, подгоняли, прилаживали...

Внизу, в будке командного пункта, включали трансляцию футбольного матча из Москвы, в такие минуты закрадывалась тоска по дому. Отчетливо видел я, как движется от станции метро по Крымскому мосту толпа нарядных людей и официанты в белых куртках разносят кружки с чешским пивом в Пльзеньском ресторане, а над Москвой-рекой играет музыка и вспыхивают уличные фонари где-нибудь на Арбате или Якиманке. А ты здесь, за тысячи километров от Москвы, висишь на монтажном поясе над пустынной, безлюдной степью, к чему-то готовишься, чего-то ожидаешь...

Как же нам было обидно, когда заканчивались все приготовления к пуску, на старт вывозилась ракета-носитель, объявлялась боевая готовность, а нам «закрывали» пропуск на «kozyрек», мол, вы свое дело сделали, гуляйте, отдыхайте, что хотите, только не путайтесь под ногами. Старт целиком поступал в распоряжение военных и испытателей из КБ Королева. Я дико завидовал Лейтенанту, который сразу становился серьезным и озабоченным, его расчет уходил в укрытие по получасовой готовности. Вот почему мы так ненавидели это слово — эвакуация.

Два раза в жизни мне приходилось эвакуироваться. Первый раз осенью 1941 года, когда меня, трехлетнего, вывозили из Москвы в Сызрань, спасая от подступающих к городу фашистов, второй раз в январе 1960-го — нас отвозили в специальном железнодорожном составе с «двойки» на «третий подъем», километров за двадцать, опасаясь, как бы ракета не выкинула при запуске фортель и не начала бить своих, как говорится, чтобы чужие боялись. Если первый раз, по причине малолетства, протестовать я не мог, то второй раз, будучи вполне зрелым, ощутил всю унизительность этой неприятной процедуры, будто тебя, как беременную женщину или немощного старика, отвозят подальше от опасного места, где остались между тем готовые ко всему настоящие мужчины. Поэтому, когда накануне запуска вечером динамик местной трансляции, висевший в нашей гостиничной комнате, провозгласил о том, что на восемь часов утра объявлена эвакуация всего личного состава, мы

в комнате, посоветовавшись между собой, твердо решили: никуда не поедем.

Но для этого надо было провести определенную работу. Вечером, под благовидным предлогом заглянув в соседние комнаты, мы как бы невзначай сообщили о том, что ночью уезжаем на «десятку», надеясь, что эта информация дойдет до женщины-коменданта, которая придет утром вместе с патрулем опечатывать гостиницу.

Рано утром 15 мая гостиница ожила, в коридоре был слышен топот многих ног и хлопанье дверей, нам, наблюдавшим украдкой в окно, было видно, как люди покидают гостиницу и спешат к остановке мотовоза. Потом все стихло. Наконец пришел патруль — офицер и несколько автоматчиков, с ними дежурный комендант. Где-то внизу, на первом и втором этаже, женщина поочередно открывала и запирала комнаты, а мы, затаившись, ждали, пока они поднимутся к нам на этаж.

Было немножко страшно, когда проверяющие подошли к нашей двери, но комендант, звеня ключами, уверенно заявила: «Эти еще вчера уехали на «десятку», да и энтузиазм патрулей на третьем этаже, наверное, иссяк. Прошло несколько минут, и мы услышали, как урчит мотор отъезжающего от гостиницы дежурного автобуса. Теперь, запертые в опечатанной гостинице, мы остались втроем в абсолютно безлюдном городке менее чем в двух километрах от старта.

Если мне не изменяет память, запуск был назначен на двенадцать часов местного времени. Громко разговаривая и даже что-то напевая, мы вылезли в коридор, чтобы примериться, как удобнее наблюдать поднимающуюся ракету. Но, увы, в направлении старта было лишь одно торцевое окно в конце коридора, которое мы открыли, но высовываться пока опасались. А с «kozyрька» к наблюдательным пунктам и различным укрытиям уже шли автобусы — стартовая команда постепенно покидала космодром.

День был пасмурный, время тянулось медленно, лишь в половине двенадцатого по бетонке промчалось несколько «Волг» — это означало, что старт покинули последние испытатели, высший же генералитет, включая Главного конструктора и маршалов, в этот момент, очевидно, уже спускался в бункер, расположенный рядом с «kozyрьком». Ждать оставалось немного...

Много раз доводилось присутствовать на пусках ракет, но тот, 15 мая 1960 года, оставил самое острое впечатление. Хотя мы ничего не видели, а только слышали, от этого было достаточно, чтобы нам, людям, в общем-то далеким от космоса, раз и навсегда понять, что представляет собой космическая ракета. Сначала мы не увидели, а скорее почувствовали резкую вспышку, отраженную на стене соседнего здания, потом начал нарастать гром, казалось, предела ему нет, казалось, он пытается поднять в воздух здание нашей гостиницы и ему это удастся, помню только дикие наши глаза, обращенные друг на друга в ограниченном пространстве коридора, как невольно присели мы у окна, втягивая голо-

ву в плечи, и как велико было потрясение, если и сейчас, спустя двадцать девять лет, у меня мурашки бегут по спине при воспоминании о тех полуобморочных секундах. В тот миг я понял, что человек создал что-то неземное, величественное и страшное, и упаси бог когда-нибудь потерять ему контроль над этим поразительным и грозным чудом.

Маршал Неделин

Помнится, наблюдался такой ритуальный момент: после удачного пуска возвратившаяся из эвакуации «наука» срочно упаковывается, торопясь на аэродром лететь домой в Москву, готовые машины нетерпеливо сигналили под окном, а в это время неподалеку от нашей трехэтажной гостиницы у длинного приземистого барака, где, очевидно, находились телефоны ВЧ, неторопливо прогуливаются, ожидая разговора с Кремлем, степенно разговаривают между собой два усталых после тяжелой работы человека — Главный конструктор Королев и Главком ракетных войск маршал Неделин.

Никто из нас никогда не видел Митрофана Ивановича Неделина в маршальской форме, чаще всего ходил он и ездил по площадкам в кожаной или меховой куртке, в сапогах, в которые были заправлены бриджи с широкими ярко-красными лампасами. Говорили, что он прост и доступен в обращении с подчиненными, кто-то видел его сидящим в беседе с солдатами, кто-то рассказывал, как он запросто попросил нож у монтажников и сам ловко вскрыл банку консервов, ужиная наколотке вечером прямо на «козырьке».

Неделин принадлежал к наиболее уважаемой когорте советских военачальников, которые безоговорочно приняли революцию, начав свою боевую биографию на фронтах гражданской войны, и год за годом, день за днем прошли с Советской страной нелегкий ратный путь, дослужившись до маршальских звезд.

Спустя годы, когда мне было интересно узнать более подробно о жизненном пути маршала и пришлось беседовать с его сослуживцами и родственниками, открылась не совсем обычная судьба этого человека, которого жизнь изрядно в молодости потрепала, прежде чем открыл bravому борисоглебскому пареньку широкую дорогу в будущее.

В книге генерала армии В. Ф. Толубко «Неделин», изданной в 1979 году в серии «Жизнь замечательных людей», подробно изложены все перипетии биографии Митрофана Ивановича, прослежен его боевой путь от молодого командира до опытного военачальника, создателя ракетных войск нашей страны, от помощника политрука батареи до Главного маршала артиллерии, заместителя министра обороны СССР, члена Государственных комиссий по испытанию ядерного оружия в СССР и испытаниям первой в мире межконтинентальной многоступенчатой ракеты.

Это был красивый, волевой и мужественный человек, особенно импонирует мне его испанская одиссея, когда в течение длительного времени, подавая рапорт за рапортом, Неделин добивается отправки в качестве советника в героическую Республику, чтобы помочь свободолубивому испанскому народу. Очевидно, над его военной судьбой витали ореол романтизма, профессиональная убежденность, что военный всегда должен быть там, где пахнет порохом. Такое качество всегда отличает подлинных рыцарей ратного искусства.

В годы Великой Отечественной войны артиллерист Неделин нередко смотрел смерти в глаза — и в 1941 году, когда, будучи командиром бригады, отражал под Проскуровом танковые атаки противника, и в дни жестоких боев обороны Кавказа, и в знаменитой Яско-Кишиневской операции, и в наступлении на Балканах. Звания Героя Советского Союза он был удостоен за Балатонскую операцию. В этом последнем оборонительном сражении минувшей войны артиллеристы-неделинцы встречали сплошным огнем «тигры» и «пантеры», превращая их в бесформенные груды исковерканного и обгоревшего металла. Прославленный советский полководец Федор Иванович Толбухин, непосредственный начальник Неделина в те годы, то ли в шутку, то ли всерьез называл его «главным укротителем» фашистского зверья.

В подмосковном Одинцове живет бывший полковник Генерального штаба, ныне отставник Г. К. Рыженков — неутомимый и преданный биограф маршала Неделина, основатель музея Митрофана Ивановича в местной школе № 9, кстати тоже носящей его имя. Григорий Кириллович может часами, да что там часами — сутками рассказывать о первом Главкоме ракетных войск и, естественно, о его личности только в превосходных тонах. При всем уважении к маршалу я лично икону с него писать бы не стал. Как и у каждого нормального человека, очевидно, были и у него присущие каждому слабости, «шероховатости» и «неровности» характера.

— «Дядя Митроша», как у нас его ласково звали в семье, — вспоминает племянник маршала Вадим Серафимович Неделин, — был очень душевным человеком. Он трепетно любил свою мать — бабу Маню, трогательные отношения у него были с моим отцом — своим братом, сугубо штатским человеком, финансистом по профессии. Своих сыновей у него не было — была единственная дочь Людмила, может быть, поэтому на меня распространялась часть его нерастраченной отцовской любви. Но при этом надо было знать принципиальность и бескомпромиссность Митрофана Ивановича. Когда в 1946 году после школы я поступил в Одесское артиллерийское училище, он, будучи только что назначен начальником штаба артиллерии Советской Армии, был явно недоволен: «Теперь будут говорить, что дядя пригреб племянничка». Позже он мне сказал такие слова: «Военная служба тяжелая, но ты, Вадим, учти, я тебе никогда и ни в чем помогать не буду, единственное, что я смогу, — тебя

защитить, если по отношению к тебе будет допущена явная несправедливость».

Он был прост в обращении с родными и друзьями, — продолжал свой рассказ Неделин-младший, — но сух и замкнут с людьми, которых знал мало. Его отличала крайняя осторожность в суждениях и поступках, какая-то гипертрофированная обстоятельность. Если доводилось куда-то ехать, он старался приезжать на вокзал за час до отхода поезда, причем ехал на двух машинах — не дай бог одна сломается.

После запуска первого космического корабля-спутника летом 1960 года нашу бригаду срочно перебросили на новую площадку, расположенную примерно в двадцати километрах от «двойки». Говорили, что предстоит быстро соорудить небольшой наземный старт для пуска нового изделия конструкции Михаила Кузьмича Янгеля. Лейтенант как-то рассказывал мне о шутке, которая ходит среди военных. Смысл ее сводился к тому, что «Королев работает на ТАСС, а Янгель — на всех нас», при этом подразумевалось, что ракеты Янгеля хотя и не сделают исторических открытий в завоевании космического пространства, но зато сумеют надежно защитить страну от посягательств агрессора. Ведь речь шла о первой межконтинентальной баллистической боевой ракете.

Взрыв

Наступила осень 1960 года. Все лето мы монтировали новый старт, это было не бог весть какое сложное сооружение, но в нем использовалась конструктивная новинка — оригинальные весы, на которых взвешивалась ракета, заправленная топливом. Знать точный вес потребовалось баллистикам для расчета траектории и высоты полета грозного «янгелевского изделия».

Сюда на площадку было переведено подразделение Лейтенанта. Пока ракетчики примеривались к старту, мы установили стол, проложили коммуникации, укрепили специальную раму — опору для установщика. Причем было построено сразу два старта — левый и правый. Первый пуск намечался с левого. К началу октября на площадку съехались инженеры — испытатели из КБ М. К. Янгеля, представители различных предприятий из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов, участвовавшие в создании приборов и узлов для нового изделия. А нас, сделавших свое дело, перебросили обратно на «двойку», где уже полным ходом шли подготовительные работы по выведению на орбиту космического корабля с человеком на борту.

Пуск с левого старта был назначен на воскресенье, 23 октября.

Газеты того времени писали:

«Уборка зерновых подходит к концу. Уже скошено 105 миллионов гектаров зерновых и бобовых культур — 97 процентов посеянного. Обмолочено 95 процентов скошенного. В эти дни особенно напряженная

работа идет на бывших целинных землях. Хлеборобы Сибири и Северного Казахстана стремятся быстрее управиться с жатвой».

«В адрес Ижевского отделения Казанской железной дороги прибыли... танки. Но прославленные Т-34 были теперь без боевых броневых башен. Танк, обладающий сильным двигателем, заменит несколько тракторов. Хорошая пришла подмога...»

«Во время следования в район промысла в проливе Скагеррак (Северная Атлантика) плавбаза рижского морского порта «Даугава» подверглась провокационному нападению группы военных кораблей НАТО. Подводные лодки, эсминцы, торпедные катера сначала шли параллельным курсом, потом начали демонстрацию атаки на пароход. Корабли шли с потушенными огнями».

«Красочные афиши оповестили о том, что в клубе Алтын-Топканского свинцово-цинкового комбината имени Ленина г. Алмалык Узбекской ССР состоится диспут на тему «Готов ли ты жить при коммунизме?». Уже сегодня горняки и металлурги выходят на рубежи будущего».

«По сообщению агентства АДН западногерманское министерство обороны планирует создание пояса атомно-ракетных баз вдоль государственной границы Германской Демократической Республики. Ссылаясь на сведения из Бонна, агентство указывает, что речь идет о ракетах типа «Хок», которые могут нести атомный заряд».

«На состязаниях в Ужгороде московский студент Валерий Брумель преодолел планку, установленную на высоте 2 метра 20 сантиметров. Это — выдающееся достижение. Теперь второго призера Олимпийских игр отделяют от мирового рекорда всего 2 сантиметра».

«Председатель комиссии по атомной энергии США Маккоун на состоявшейся в Вашингтоне пресс-конференции заявил, что Соединенные Штаты ведут в настоящее время строительство специальных сооружений, которые сделают возможным в течение ближайших недель проведение подземных ядерных взрывов».

...Утром 23 октября начался вывоз ракеты из монтажно-испытательного корпуса на старт. Доставка космического изделия конструкции С. П. Королева из МИКа на «козырек» — всегда особо разработанный церемониал: мотовоз медленно, со скоростью шага, везет гигантскую ракету, следом с обнаженными головами идут ее создатели. Здесь все обстояло более просто и буднично. Тяжело груженная тележка на резиновом ходу проследовала по бетонке, заехала в ворота КПП, остановилась у стола. Специальная система тросов на поднятой стреле установщика перевела ее в вертикальное положение, так что колеса оказались сбоку. Потом, когда ракета была зафиксирована на столе ветровыми стяжками, установщик обхватил ее площадками обслуживания, тележка опустилась на землю и отъехала от старта. На «этажи» площадок обслуживания поднялись испытатели. Началась работа...

На старте было много людей. Здесь царил торжественный, но и несколько нервное оживление, вызванное присутствием большого на-

чальства. Возле ракеты прохаживались маршал М. И. Неделин и главный конструктор М. К. Янгель, тут же были заместители конструктора Л. А. Берлин и В. А. Концевой. В качестве наблюдателя был приглашен полковник Е. И. Остаhev, полковник А. И. Носов получил повышение по службе и должен был уехать в Москву, но посчитал себя обязанным присутствовать на важном пуске — его знания и опыт могли пригодиться в любой момент. Стартовыми работами руководили начальник Управления полковник-инженер Р. М. Григорьянц, подполковники В. Д. Леонов и А. В. Сапуров.

Приехал на старт заместитель начальника полигона генерал-майор Александр Григорьевич Мрыкин. Этот человек по общему отзыву был сильной и яркой личностью, правда, некоторые жаловались на его несдержанность и крутой характер. Поговаривали, что Мрыкина слегка побаивался даже сам Сергей Павлович Королев. Во всяком случае, гнев генерала получил на космодроме свое измерение. Втык в один «мрык», шутили офицеры. Начальник полигона генерал-майор К. В. Герчик распорядился принести из служебного здания стулья и табуреты для важных гостей. Их расставили на стартовой позиции.

Заправка прошла успешно, отсеки на системе уровней сработали нормально. Но во второй половине дня обнаружили неисправности в автоматике двигателя. Пришлось снять люки в нижней части ракеты и уже на заправленном изделии вести перепайку разъемов, что является грубейшим нарушением мер безопасности. Пуск отложили на понедельник, но до позднего вечера никто со старта не уходил.

...14 октября 1960 года Н. С. Хрущев в хорошем расположении духа возвратился в Москву из Нью-Йорка. Позади была серия эпихальных выступлений на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам ликвидации колониального режима и по вопросам всеобщего и полного разоружения. «Двадцать пять дней, которые потрясли Америку» — так писала о визите советской делегации американская печать.

Тогдашний наш лидер, как мы помним, не страдал излишней церемонностью, его речи были безыскусны и суровы, очевидно, он искренне считал, что допустимый в таких случаях протокольный этикет должен оставаться прерогативой изощренных в славословии дипломатов.

«Представьте себе, — говорил он на одном из своих выступлений, — что представителям государств — участников ООН взбрела бы такая «идеальная» мысль: давайте постановим ликвидировать социалистическую систему в Советском Союзе. Что было бы, если бы за это проголосовали все, кроме нас, представителей социалистических стран? Что бы мы на это сказали? Мы бы сказали, как у нас, у русских, говорят в подобных случаях: «Пойдите вон! Вы приняли такое решение, вы и живите с ним, а мы как жили при своей социалистической системе, так и будем жить. А кто сунется, то, извините за такое неэтикетное, но довольно образное выражение, — тому в морду дадим!..»

Не менее категорично было сказано им и спустя несколько дней:

«Нас, людей социалистического мира, вы не запугаете! Наша экономика цветущая, техника у нас на подъеме, народ сплочен. Вы хотите навязать нам состязание в гонке вооружений. Мы этого не хотим, но не боимся. Мы вас побьем! У нас производство ракет поставлено на конвейер. Недавно я был на одном заводе и видел, как там ракеты выходят, как колбасы из автомата. Ракета за ракетой выходят с наших заводских линий».

И, наконец, 20 октября во Дворце спорта Центрального стадиона имени Ленина в Москве на многотысячном митинге трудящихся столицы, посвященном работе советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прозвучало его знаменитое: «...если вы, господа, хотите еще раз испытать могущество и выносливость социалистического государства, мы вам покажем, как говорится, кузькину мать».

...Тревожно началось утро 24 октября. Ко всем бедам добавилась еще одна — появилась «капельная» течь горючего. Члены Государственной комиссии потребовали проверить сигнализатор наполнения. Было установлено, что компонента вытекло немного и в принципе на пуск это не повлияет. Баллистики подтвердили, что дозаправки ракеты не требуется.

День клонился к вечеру, смеркалось... Начались последние испытания — предстартовые проверки системы управления. Маршал Неделин сидел на табурете примерно в семнадцати метрах от подножия ракеты. Рядом разместились конструкторы и руководители министерства. Генерал Мрыкин подошел к Янгелю: «Все, Михаил Кузьмич, бросаю курить, идемте отойдем в сторонку, выкурим по последней сигарете».

Генерал Мрыкин умер несколько лет назад. Курить он уже никогда не бросал. Редкий случай, но та «последняя» сигарета спасла ему и Янгелю тогда жизнь.

Ситуация сложилась именно так, как описывали ее позже историки.

«Работа по строительству нового испытательного комплекса и оснащению его новейшим оборудованием и аппаратурой началась осенью 1959 года и велась днем и ночью. Военные специалисты, представители промышленности и строители трудились с величайшим напряжением сил и полным пониманием ответственности за порученное дело. К октябрю 1960 года работы по строительству технической и стартовой позиции полигона, а также по созданию ракеты и наземного оборудования были завершены. Все службы вновь созданного управления полигона были укомплектованы квалифицированными специалистами, прошедшими подготовку в научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро-разработчиках и на заводах-изготовителях».

Летные испытания ракетного комплекса Р-16 были начаты в октябре 1960 года под руководством Государственной комиссии, которую возглавлял Главный маршал артиллерии М. И. Неделин.

Летные испытания ракеты проводились в два этапа. На первом испытывались ракеты, разработанные для боевого использования

только с наземных пусковых установок. Пуск первой ракеты, Р-16, был назначен на вечернее время 23 октября 1960 года. После заправки ракеты в электросхеме автоматики двигательной установки появилась неисправность, в результате которой ее трубонасосный агрегат заполнился компонентами топлива. Было принято решение произвести устранение неисправности на заправленной ракете. Поскольку гарантия работоспособности двигательной установки в таком положении была определена в одни сутки, то работы по устранению неисправности велись без перерыва.

24 октября в 18 часов 45 минут по местному времени была объявлена 30-минутная готовность к пуску. В это время при выполнении операции по приведению в исходное положение программного токораспределителя от него прошла преждевременная команда на запуск маршевого двигателя второй ступени. Газовой струей работающего двигателя были разрушены оболочки топливных баков первой ступени, возник пожар и взрыв. При этом погибла значительная часть боевого расчета и ряд руководящих работников, находившихся на стартовой позиции вблизи ракеты, в том числе М. И. Неделин».

— ...В момент взрыва я находился примерно метрах в тридцати от основания ракеты, — вспоминает один чудом уцелевший из находившихся тогда на старте, — плотная струя огня неожиданно вырвалась, накрывая все вокруг, часть боевого расчета и испытателей инстинктивно пыталась вырваться из опасной зоны, люди бежали в сторону правого старта к аппарели — специальному накату, под которым укрывалась различная техника: пожарные машины, заправщики, автомобильные краны, но на их пути была полоса из свежеслитого битума, тотчас расплавившегося. Многие застревали в горячей вязкой массе и становились добычей огня — потом на этом месте можно было увидеть очертание фигуры человека и то, что сразу не горело, — металлические деньги, связки ключей, печати, эмблемы, пряжки от ремней и противопогазов... Почему-то не горели также каблучки и подошвы сапог. Самая страшная участь выпала на долю тех, кто находился на верхних «этажах» площадок обслуживания, — люди срывались в пламя и вспыхивали, как свечки, горящие на лету. Температура в эпицентре пожара была около трех тысяч градусов.

Те, кто бежал влево от пускового стола, пытались на ходу сдирать с себя горящую одежду — куртки и комбинезоны, увы, многим это так и не удалось сделать. Потом на колючей проволоке, окружавшей площадку, повсюду висели обгоревшие трупы.

Рассказывает еще один непосредственный участник событий:

— Ближе к вечеру меня встретил на площадке генерал Герчик и сделал замечание: «Может быть, хоть ты меня будешь слушаться, — недовольно сказал он, — бери своих офицеров и немедленно эвакуируйся с площадки, вам здесь больше делать нечего». Мы сели в машину и уехали на наблюдательный пункт, расположенный на возвышенности, километрах в трех от старта. Здесь царила самая спокойная обстанов-

ка — бродили военные и гражданские, на врытых в землю столбах был натянут экран, у аппарата хлопотал солдат-киномеханик. Пошли титры фильма, и вдруг все вскочили с мест — над стартом взвился огненный столб. В каком-то оцепенении смотрели мы с высоты НП, как снова и снова вспыхивает пламя... Потом все стихло. Нам хорошо было видно, как по бетонке к площадке одна за другой мчались пожарные и санитарные машины.

Через некоторое время по радио последовал приказ: «Всем офицерам немедленно собраться в жилой зоне у санчасти». Я подумал, что нужна кровь для переливания или кожа для пересадки. Мы прыгнули в «газик» и помчались вниз. Здесь нас ожидало жуткое зрелище, забыть которое и по сей день невозможно. На площадку к санчасти свозили и укладывали мертвых. Все трупы были в одинаковой, несколько скрюченной позе, все без одежды и признаков волосяного покрова. Опознать кого-либо было невозможно. При свете луны они казались цвета слоновой кости.

А вот что рассказывает один из руководителей тогдашней аварийно-восстановительной команды: «Днем 24 октября я получил приказ от начальника полигона Герчика Константина Васильевича доставить с «десятки» на площадку несколько баллонов кислорода. Возвращался под вечер. Подъезжая к третьему подъему, мы вдруг увидели в той стороне, где должен состояться пуск, огромное малиновое зарево. Все шлагбаумы на контрольно-пропускных пунктах были подняты для беспрепятственного следования пожарных и санитарных машин, но нам путь дежурный по КПП решительно преградил: «Туда нельзя, есть приказ в ту сторону никого не пропускать». Неожиданно затормозил шедший навстречу легковой автомобиль, в нем ехал мой непосредственный начальник — главный инженер полигона полковник Свирин. «Что случилось?» — спросил я у него. «Беда, большая беда, — несколько раз повторил он, — потребуется много гробов».

...Мы коротали понедельничный вечер в трехэтажной гостинице на «двойке». Я знал, что сегодня вечером планируется пуск на той самой площадке, но идти на улицу и смотреть подъем ракеты на таком далеком расстоянии не хотелось. Вдруг резко распахнулась дверь нашей комнаты. На пороге стоял знакомый парень из соседней бригады. «Братцы, на старте произошла авария, все погибли, сорел маршал Неделин!» — громко прокричал он.

До поздней ночи мы не спали, слушая рассказы приехавших оттуда. Вся гостиница бурлила. Выяснилось, что погибли не все... Например, генерал Герчик жив, хотя и доставлен в госпиталь в тяжелом состоянии. Чудом остался жить случайно отошедший покурить главный конструктор Михаил Кузьмич Янгель, но погибли все его заместители. Янгель бросался в огонь — его с трудом удалось оттащить. Еще говорили, что много отравленных компонентами топлива — их отпаивают молоком.

Госпиталь на «десятке» переполнен, уже нынешней ночью будут прибывать самолеты с врачами из Москвы.

Я подумал, что если есть счастливый жребий, он может, конечно, выпасть на Лейтенанта, хотя при этом прекрасно понимал, что на войне вместе с маршалами и генералами прежде всего всегда гибнут солдаты и младшие офицеры.

25 октября 1960 года в Большом Кремлевском дворце начала свою работу очередная III сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва. В 10 часов утра привычно заняли места в правительственной ложе товарищи А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов. Многие из депутатов обратили внимание, что в президиуме нет Брежнева. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, назначенный Председателем Государственной комиссии по расследованию причин катастрофы, в эти минуты уже летел на полигон.

Комиссия, возглавляемая Брежневым, была настроена решительно. Она ехала снимать с работы, срывать погоны, отдавать под суд. Прямо с аэродрома эскорт машин, в первой из которых находился Брежнев, проследовал в монтажно-испытательный корпус. Здесь состоялось первое заседание комиссии. На нее были вызваны все оставшиеся в живых руководители запуска межконтинентальной баллистической ракеты Р-16.

Из их числа было решено также создать техническую комиссию под руководством председателя Госкомитета по оборонной технике К. Н. Руднева. На следующий день он докладывал о причинах аварии. Были тщательно и последовательно проанализированы все нестыковки и возникшие в ходе пуска неполадки. Кроме Брежнева, присутствовали заведующий Отделом ЦК КПСС А. И. Сербин и заместитель министра обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Брежнев то и дело говорил: «Сербин, запиши — такой-то завод поставил недоведенную аппаратуру, такой-то — некачественные проводники».

На каком-то этапе возник вопрос: кто же виноват конкретно? Справедливости ради надо сказать, что были и такие, кто пытался взять всю вину на себя, взвалить на свои плечи ответственность за случившееся. Но чем дальше работала правительственная комиссия, тем более она не торопилась делать выводы. В конце концов в акте, подписанном ее членами, была сформулирована мысль, что случилось непреднамеренное несчастье, трагическое стечение обстоятельств. При этом как-то Брежнев заметил: «Хорошо, что перед отъездом посоветовались с Никитой Сергеевичем, а то бы наломали здесь дров».

Побывали члены комиссии на разрушенном старте. Здесь они увидели опрокинутую ракету, изуродованный установщик, расправленные топливные баки... Рядом лежали целехонькие двигатели — они были рассчитаны на столь высокую температуру. Потом состоялась поездка

в госпиталь. Брежнев в накинута белом халате в окружении свиты переходил из палаты в палату, останавливался у каждого пострадавшего, кто был в сознании. Он говорил, что Советское правительство отдает дань мужеству и героизму участников запуска, что каждый из них с честью выполнил свой воинский долг.

Размышляя уже в наше время о том, что произошло 24 октября 1960 года на полигоне, беседуя спустя годы со многими очевидцами случившегося, сопоставляя факты и обрывочные воспоминания людей, можно в какой-то степени сделать ряд различных предположений по поводу тех событий.

Когда я задавал вопрос специалистам, как же мог свехосторожный маршал Неделин допустить, чтобы на явно неисправной ракете, к тому же направленной «дьявольской смесью» с сверхвысокой температурой горения, до последней минуты шли доводки, когда по элементарной логике надо было немедленно прекратить работы, слить топливо и отправить изделие на завод-изготовитель, мне возражали примерно так: «Близилась годовщина Великого Октября, а вы разве не знаете, что у нас к праздникам принято сдавать жилые дома, задувать домны, рапортовать о прочих трудовых достижениях...»

Не исключено также, что Н. С. Хрущев, несколько возбужденный только что завершившейся поездкой в Соединенные Штаты, потребовал от Главнокомандующего ракетными войсками незамедлительных действий — необходимость как можно скорее произвести опытный запуск боевой ракеты подобного типа была исключительно очевидной. Маршал слыл осторожным человеком, но его знали и как солдата, который ослушаться приказа не мог.

Некоторые обвиняли его тогда, да и сейчас эта мысль проскальзывает в разговорах, что, дескать, маршал Неделин потерял бдительность, нарушил меры предосторожности, зачем, мол, надо было ему сидеть на старте в нескольких метрах от ракеты, когда для этого существовали специальные укрытия. Я думаю об этом иначе... Митрофан Иванович прекрасно понимал всю рискованность и опасность создавшегося положения, но он был настоящим военным и знал, что ничто так не действует успокаивающе на подчиненных, как личное присутствие командира. Он шел на такую открытость сознательно. В конце концов он мог вполне искренне допускать, что промедление с запуском смерти подобно. Хочется, во всяком случае, в это верить.

...Утром в Москве шел дождь со снегом, в метро прямо пахло мокрой одеждой, холодный октябрьский ветер трепал обрывки афиш о заключительных спектаклях Американского театра балета под руководством Лючии Чейз и Оливера Смита, уже был назначен день чествования футбольной команды «Торпедо», которая впервые в этом году стала чемпионом страны, а на «десятой» площадке провожали в последний путь тех, кто погиб на старте. Еще с вечера жены офицеров ходили по квартирам, собирая искусственные цветы, всю ночь среди молодых поса-

док в только что разбитом парке на дороге из центра «десятки» к аэродрому при свете фар шумел бульдозер, отрывая глубокую братскую могилу.

Когда грянул траурный марш и над толпой поплыли десятки гробов с прибитыми к крышкам воинскими фуражками, неожиданно пошел дождь, что бывает в этих краях достаточно редко. Плакала, как говорили, земля о погибших, рыдали молодые вдовы офицеров, сухо звенели над степью ружейные залпы прощального салюта.

Выступая на траурном митинге у братской могилы, Брежнев тоже плакал, не стесняясь слез. Он говорил, что подвиг павших никогда не будет забыт, что теперь надо хорошенько посмотреть, как жить дальше, чтобы достойно продолжить начатое дело, что правительство позаботится о семьях погибших. Очевидцы утверждают, что в его речи была такая реплика: «А кто виноват, тот сам себя наказал».

Затем в столовой так называемого нулевого квартала, в котором останавливались самые высокие гости, был накрыт стол человек на сорок. Командование устроило что-то вроде поминок. Леонид Ильич вспоминал, что когда он служил на Дальнем Востоке, то родители прислали ему в посылке бутылку водки, и как ему досталось за это от начальства. Поэтому, обращаясь к присутствующим политработникам, он призывал их не свирепствовать: мол, братцы, сегодня такой горестный день, да и обычай есть русский, куда от него денешься... При этом он все время вытирал мокрые от слез глаза. Правда, это не помешало ему два дня назад обмолвиться в разговоре, что, будучи секретарем ЦК Компартии Казахстана, он слышал, что в этих местах водятся прекрасные сомы. Немедленно была отряжена команда с надувной лодкой и взрывчаткой, чтобы добыть в Сырдарье рыбину самым быстрым способом. Кажется, того сома поймали...

В тот день хоронили и Лейтенанта, который был, очевидно, тоже в чем-то виноват и сам себя наказал. Только вот точно назвать его фамилию мне трудно... Может быть, это был Иван Брицын или Марат Купрев, а может быть, Эдик Мироненко или Валерий Синявский. А может быть, и вовсе капитан Виктор Кривошеев или рядовой Василий Гераскин, старший лейтенант Игорь Зарайский или сержант Александр Юдин. Эти фамилии невымышленные. Пройдет какое-то время, и они будут выбиты на обелиске у братской могилы. Много имен и фамилий людей разных воинских званий.

Вместо эпилога

Посветлело нынче, посветлело... То ли климат стал иной, то ли пробуждение от долгой спячки сродни внутреннему очищению души. Еще циркуляр и параграф имеют немало власти, но вот как знание времени вполне демократичное положительное решение, принятое

в ответ на просьбу «Огонька», — посетить космодром и ту самую трагическую площадку.

Я возвращался в свою юность на казахстанский полигон и также беспокойно ночью не спал, пока поезд стучал колесами от Ташкента до знакомой станции Тюра-Там, но ощущал себя уже не молодым восторженным бойцом, а старым, отслужившим свое солдатом, для которого все позади — и жаркие рукопашные, и выжидательно-стратегические драки. Как коротка в сущности жизнь!

...Многое здесь изменилось. «Десятка» превратилась в молодой сильный город Ленинск, в котором достаточно красивых многоэтажных домов и юные мамы везут по тротуарам коляски, где поднялись новые парки и величественные памятники первооткрывателям космоса... Утром я вышел из вполне современной гостиницы «Центральная» (могли бы мы мечтать о такой?) и пошел бродить один по знакомым и незнакомым кварталам, по улицам, носящим имена полковников Носова и Осташева, мимо первой школы с мемориальной доской в добрую память строителя космодрома Георгия Максимовича Шубникова, мимо единственной в наше время двухэтажной столовой, где отогревались мы когда-то горячим чаем, возвращаясь с отдаленных площадок, и, наконец, шагнул в парк с такими же, как и тогда, жидкими и приземистыми деревьями, не выдерживающими напора степных ветров, и тут же увидел скромный обелиск с лаконичной надписью: «Вечная память погибшим при выполнении воинского долга 24 октября 1960 года».

Спустя двадцать восемь лет я возвращался к Лейтенанту.

Время бессильно перед памятниками, построенными на века, но этот наспех сооруженный четверть века назад обелиск оказался в какой-то степени беззащитен перед прошедшими годами, и, внимательно рассматривая по периметру могильное возвышение, я увидел и трещины на бетоне, и кое-где выщербленные блюдечки фотографий над фамилиями погибших. Время стирает следы не только тех, кто лежит под этой могильной плитой, но родных их и близких, которые приезжали сюда каждый год, чтобы положить цветы и постоять молча над могилой сына, отца или брата. Сейчас родственники приезжают все реже...

На следующий день мы были в дороге. Потянулась змейкой знакомая бетонка от первого КПП к пусковым стартам, а параллельно нашей машине по местной железнодорожной колее весело катил состав с разноцветными цистернами: синяя полоса — кислород, черная — азот. За эти годы на «третьем подъеме», куда когда-то нас увозили в эвакуацию, рядом со старым построили новый мощный цех. Уже за ним открылись широкие степные горизонты, где повсюду вонзались в небо изящные иглы многочисленных антенн. Мы въезжали в «рабочую зону».

Можно понять мои чувства, когда, оставив машину у КПП с надписью «Гагаринский стартовый комплекс», я не спеша прошел на «козырек», постоял, облокотившись на перила, глядя на уходивший в глубину «экран». Сколько людей уже успели совершить отсюда прыжок в кос-

мос, примерно столько же звезд нарисовано на стреле установщика, возле которого хлопотала обслуга — нынешние солдаты и лейтенанты с такими же, как у нас тогда, ясными мальчишескими лицами.

Каждый из них тоже запомнит этот старт на всю жизнь.

Потом мы ехали по «двойке» мимо трехэтажной гостиницы, где был совершен тремя монтажниками непростительно-дерзкий поступок, о котором, клянусь, и сейчас нисколько не сожалею, и путь «уазика» лежал на площадку, где погибли маршал Неделин и Лейтенант.

Странные чувства владели мною и здесь, на заброшенном пустыре, где когда-то располагался боевой старт, о котором сегодня напоминают лишь одинокие бетонные бункеры, похожие на древние печальные склепы, и погнутая ржавая рама стартового стола с кое-где проросшей травой да дренажная канава, в которой, очевидно, остались неразобранными коммуникации. Двадцать восемь лет прошло, а впечатление такое, что с тех пор и не ступала здесь нога человека. А ведь священен не только Тюра-Там, священные и эти бетонные плиты, навсегда впитавшие в себя плоть и кровь раздавленных взрывом людей. Почему же мы глухи и слепы к их памяти, почему стыдливо делаем вид, что ничего тогда не произошло?

Я пишу эти строки в своей московской квартире, а во включенном диктофоне все время слышен шум и треск — это помехи от ветра, который дует здесь беспрестанно во все времена года. Сильный ветер может унести в степь верблюжью колючку или перекайти поле, но выветрить из памяти очевидные не может, что именно в этой точке площадки приняли мгновенную смерть первый Главком ракетных войск Митрофан Иванович Неделин и другие руководители, ответственные за пуск, вот сюда срывались с площадок горящие испытатели, а здесь, у аппарели, спотыкались офицеры, оставляя после себя черную тебю.

Трагические ошибки, очевидно, неизбежны, тем более когда идет речь о сложной военной технике, в ситуациях, подобных той, которая сложилась на международной арене памятной осенью 60-го. Политработники полигона рассказывали мне, что не раз ставили вопрос о приведении площадки в порядок, о создании на месте гибели героев мемориала, который мог бы стать центром духовного воспитания будущих поколений ракетчиков. Но пока их попытки разбиваются о глухую стену равнодушия.

По праву гордимся космическими завоеваниями. Совсем рядом отсюда, километрах в двадцати, высятся величественные космические старты «Гагаринский» и «Энергия», к ним приковано внимание, там делегации, телекамеры, цветы, аплодисменты... Здесь же из года в год — тишина, бурьян, запустение. Неужто мы похожи на Иванов, не помнящих родства?

...Однажды осенью, когда было совсем невмоготу — так, что хоть стиснув зубы на шпалы, я поехал в Тарусу. Был ясный, прозрачный день, и солнце тихо плескалось в багрянце уже поредевшей листвы. Поднимаясь вверх по знакомой улице к кладбищу, я невольно подумал, что меня

интуитивно ведут сюда юношеские воспоминания, связанные с именем большого писателя и прекрасного человека. Потом я долго сидел на скамейке у могилы Паустовского, возле когда-то сгоревшего дуба, и перед глазами вставали самые светлые картины той далекой поры — в них мелькали дорогие знакомые лица, был среди них и Лейтенант, и наша тюра-тамская эпопея.

Памятью мыверяем долги перед жизнью, она помогает сохранить веру, дает силы выстоять.

В Ленинске вместе с сопровождавшим меня подполковником (не даст соврать) мы проделали эксперимент совсем в духе времени, а именно, остановившись у здания штаба, наугад спрашивали у проходящих лейтенантов: «Кто был первым Главкомом ракетных войск?», «Что вы знаете о маршале Неделине?». Ответы были самые неожиданные: «Не знаю», «Был, кажется, такой», «Сейчас, наверное, в отставке или умер». ...Пренебрежение к памяти может мстить беспощадно.

Мне довелось беседовать со многими людьми, имеющими отношение к описанным событиям. Одни добросовестно старались припоминать детали, другие возмущались, как можно открыто говорить о такой государственной тайне. Но есть же какой-то срок давности и у тайн, и должен же быть четко определен предел необходимой секретности, о чем, кстати, говорится в резолюции XIX партийной конференции.

Я разыскал генерала, нашего с Лейтенантом одноклассника, который был в тот день на старте в звании лейтенанта, он чудом остался жив, потом лежал в госпитале. Это прекрасный мужик — умный, спокойный, выдержанный, и я подумал, что точно таким был бы и мой Лейтенант, оставшийся он жить...

...В солнечный летний день я улетал из Ленинска, самолет сделал крутой вираж, и вдруг открылась вся панорама города с коробками домов и с кажущейся с высоты узкой полоской парка. Где-то внизу навсегда осталась могила Лейтенанта, который не стал генералом и никогда так и не увидел в бинокль с ночной акватории моря, как горит освещенное лампой с зеленым абажуром окно чеховского кабинета.

Москва — Космодром.

КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ

«Громкое дело» Зотова, о котором и по сей день вспоминают в Тамбове, возникло, как говорится, на ровном месте, факты против него явно сфабрикованы, и долговременная кампания «по втоптыванию человека в грязь» велась планомерно и целенаправленно — так пишут авторы письма в редакцию.

Дефицит здравого смысла

«Смысл бюрократизма нашего, господа, состоит в незабвенном правиле: никогда ничего не делать ради дела — а только ради резона».

Эдвард Радзинский
«Лунин, или Смерть Жака».

В редакционной почте мы наткнулись на это письмо из Тамбова. В нем рассказывалось, что начальник крупной областной организации — передвижной механизированной колонны агропрома — Лев Петрович Зотов, — человек, по мнению авторов, сравнительно молодой, но знающий, инициативный, обладающий деловой хваткой, проявил хозяйственную самостоятельность и независимость в сельском строительстве, за что впал в немилость высокого областного начальства, устроившего на него гонения. Раздув обличительные факты, изложенные в анонимке, местные власти сурово расправились с Зотовым. Он был снят с работы, исключен из партии, а несколько позже против него возбудили уголовное дело, после чего народный суд Советского района города Тамбова за хищения осудил его на семь лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением права занимать руководящие должности, связанные с материальной ответственностью, сроком на пять лет.

Далее, как, увы, еще нередко бывает, судебная машина дала обратный ход. Президиум областного суда отменил приговор и переквалифицировал действия Зотова как халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, снизив ему меру наказания до двух лет лишения свободы с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора. В письме подчеркивался очень тревожный факт: в течение семи месяцев Зотов незаконно содержался под стражей.

Возможно, с чисто юридической точки зрения эту историю не отнесешь к разряду уникальных — судебные ошибки пока нередки, в той же почте «Огонька» можно встретить более острые и замысловатые сюжеты из судебной практики. Нас заинтересовало иное, а именно необычная постановка вопроса, поднятого авторами письма. Сводилась она к следующему: «...вот и нет человека — умелого организатора, способного специалиста, перечеркнута человеческая судьба, растоптано будущее молодого руководителя. Ну и кто от этого выиграл — общество, дело? Не кажется ли вам, что сейчас, когда перестройка резко обозначила противоборство сил созидających и сил, не желающих и не умеющих созидать, кому-то очень выгодно ломать судьбы самых заметных, энергичных, творчески мыслящих работников?..»

В чьих же руках оказалась эта судьба, кому и почему было угодно именно так ею распорядиться? Конечно, ответ на этот вопрос надо было искать в Тамбове...

5 декабря 1986 года в 9 часов вечера за Зотовым захлопнулась дверь одиночной камеры изолятора временного содержания. Новоиспеченный узник уныло осмотрел крепкие бетонные стены, небольшой топчан, приткнутый к одной из них, зарешеченное окно под потолком. Неожиданно ярко бил в глаза свет от лампочки, тоже оплетенной толстой проволокой... Зотов нащупал в кармане куртки перчатку, попытался просунуть ее под проволоку, чтобы защититься от света. Потом присел на топчан. И тотчас навалилась гнетущая тишина. Теперь можно было крепко обо всем подумать.

Тучи над ним начали сгущаться чуть ли не с первых дней его работы в должности начальника ПМК. Это он сейчас прекрасно понял, а тогда, как и любой нормальный человек на его месте, никакого значения не придавал ни анонимкам, поступавшим на него в различные инстанции, ни многочисленным ведомственным ревизиям, которые, будто вал за валом, накатывались для всесторонней проверки деятельности его предприятия.

А, собственно говоря, почему ему надо было кого-то бояться — ведь дело, которое он взял в свои руки, удавалось. Когда впервые переступил порог площадки ПМК, кругом было запустение — бурьян по колено. А вот прошло немного времени, и уже устроен аккуратный механизированный двор. Опять же сумел Зотов сплотить коллектив, научил людей жить не сиюминутной выгодой, но долговременной перспективой, доказал необходимость своей материальной базы. «Крепкий хозяин, — поговаривали между собой степенные директора совхозов, съезжавшиеся со всей тамбовской округи, чтобы посмотреть, как исправно действуют вновь построенные на площадке растворобетонный узел, колерная мастерская, выпускающая меловую пасту и шпаклевку, цех по производству декоративной гипсовой плитки, пропарочные камеры... так необходимый сельскому строительству материал переставал быть дефицитным.

К Зотову потянулись люди. На ПМК резко вырос объем строительно-монтажных работ, улучшилось качество возведения объектов. С новым начальником было приятно работать. Нравился его принцип: «Если хочешь, чтобы тебя уважали, научись уважать других». Начала выполняться социальная программа, значительно улучшились условия труда. Да и зарчатки у рабочих были выше, чем в среднем по области. Работать в ПМК стало престижно, а сам Зотов постепенно превращался в заметную фигуру. Хотя растущий с каждым днем его авторитет многим не давал покоя...

...Гнетущая тишина в камере, как будто остался один во всем мире. Вот так же в одиночке до самой смерти отбывал свой срок один из героев тамбовской земли, блестящий кавалергард времен Отечественной войны, а впоследствии знаменитый декабрист Михаил Лунин. В детстве отец Зотова — старый фронтовик, прошедший войну от «звонка до звонка», не раз говорил, что у декабристов неплохо бы поучиться не только мужеству и стойкости, но и благородству, высоким понятиям о чести

и совести, презрению к фискалам, завистникам, интриганам... Оглядывая камеру, Зотов улыбнулся, вспомнив мрачную шутку Лунина, обращенную к тюремщикам: «Позвольте мне вас принять в моем гробу».

Когда вникаешь в «дело Зотова», читаешь копии судебных постановлений, жалоб, ответов на письма, невольно приходит ощущение какой-то предсказуемости дальнейшего развития событий, как будто все проигрывалось по плотному, заранее написанному и хорошо отрепетированному сценарию, — уж больно очевидна была механика построения «громкого дела», избирательность цели, направленность удара, хотя у исполнителей ролей в этом сценарии далеко не всегда сходились концы с концами.

Признаться, и я не верил, что в хаосе инструкций, учета, нормирования, тарифов, разрядов, отчетов Зотов, как, впрочем, и любой другой хозяйственник, мог бы остаться непорочным. При нашем обилии бумаг зацепка придиричивому глазу всегда найдется. Но вот беседую с лучшим, по общему мнению, ревизором области — начальником отдела ревизии хозорганов Контрольно-ревизионного управления Минфина РСФСР по Тамбовской области Л. И. Денисовой.

— Меня часто вызывали в обком КПСС, — говорит она, — давали конкретное задание проверить ПМК, проверить Зотова. Ездил, проверял... За все годы не было установлено ни одного финансового нарушения, наоборот, всегда производил благоприятное впечатление порядок в отчетной документации. Об этом я в обкоме неоднократно докладывала, но доводы мои, очевидно, во внимание не принимались.

...Утром, после бессонной ночи, Зотов увидел через окошко камеры, как идет снег. Крупные хлопья летели к земле, а ему, наверное, казалось, что это не снег, а анонимки падают на его голову со всех сторон и не тают, увы, а подшиваются в пухлое досье, заведенное чьей-то недоброй рукой. Неизвестный бытописатель жизни Зотова, отчаявшись найти огрехи в производственной деятельности, теперь тщательно препарировал малейшие оттенки его личного существования: на ком женился, как получил квартиру и приобрел автомобиль, какую дачу построил на садовом участке.

Факты и фактики тщательно подшивались в дело. Потом на их основе была составлена лаконичная, но грозная справка партийной комиссии обкома партии. Это был приговор коммунисту Зотову. Экстренно собранное в 7 часов утра бюро Советского РК КПСС города Тамбова в течение нескольких минут, не вникая и не обсуждая, Зотова из партии исключило. Шок ли нашел на членов бюро, или было просто каждому ясно, что начальника ПМК вот-вот арестуют?

...Признаться, с чувством определенной неловкости, как к людям, повинным в неумышленной аварии, шел я к работникам правоохранительных органов, по чьей вине Зотов в течение семи месяцев незаслуженно вкушал горечь тюремной похлебки. Ошибка есть ошибка, брак

в работе радости никому не доставляет... Что там будет, что прочтется в их глазах, мучимых понятными угрызениями совести?

Как наивно оказалось подобное предположение, какими разными были наши точки зрения на происшедшее! Не было там никаких угрызений, тем более совести! Другое дело, что воздвигли крепкую стену своей непогрешимости все те, кто занимался делом начальника ПМК. «Была б моя воля, я бы и сейчас Зотова посадил», — жестко отрезал в разговоре со мной старший следователь городской прокуратуры И. И. Терещенко — человек опытный и в жизни, и в своей профессии, но, очевидно, так и не понявший за свою долгую юридическую практику, что бывают случаи, когда и подследственный может оказаться невиновным.

Надо отдать должное Ивану Игнатьевичу, он добросовестно сделал все, чтобы упрятать Зотова за решетку. Не только старался, но и мобилизовал из своего арсенала наиболее эффективные для этого средства. Вряд ли Терещенко слышал реплику из той самой пьесы, где его земляк декабрист Лунин едко заметил: «У нас без доносов нельзя, у нас без доносов, как без снега земля вымерзает». Но если и слышал об этом когда-нибудь, то иронии не уловил, понял все в буквальном смысле. Любопытно в этой связи письмо некоего Адамова — бригадира шабашников, обвинявшегося в преступном сговоре с Зотовым. Приведу его дословно, сохраняя покаянный стиль автора:

«В тюрьме следователь Терещенко предъявил мне обвинение по статье 93 прим., но тут же успокоил, что это сделано якобы фиктивно — главное, произвести очную ставку между мной и Зотовым, а после этого я буду на свободе. Прокурор города В. Н. Солопов дал мне лично слово коммуниста, что 31 декабря 1986 года я буду дома, лишь бы я на очной ставке подтвердил то, что они мне диктовали (я понимаю, что это низко, подло, но вы поймите меня, я впервые в жизни был в тюрьме, не знал законов, а меня обещали отпустить, и шел на все ради этого). Перед тем, как состоялась очная ставка, я был тщательно «подготовлен» следователем Терещенко, какие будут вопросы и что я должен говорить. Вот так и состоялось мое окончательное падение... Из тюрьмы меня не выпустили. Спустя время Терещенко мне сказал: «Я понимаю твоё состояние и не буду тебя больше беспокоить, того, что у нас уже есть, хватит, чтобы Зотова убрать лет на десять, а тебе, я говорю честно, будет три года «химии» — вот возьми чистые бланки от протокола допроса, подпиши их, и я тебя не буду вызывать до суда». Я и подписал...»

Это признание было сделано обвиняемым Адамовым еще до окончания следствия, фигурировало в суде, но, как видим, участи Зотова не облегчило. Странно, но куда денешься от впечатления, что народный судья Нина Михайловна Малюткина его игнорировала, упорно закрыв глаза на, мягко сказать, «нечистые» приемы дознания? Она и сейчас, после отмены вынесенного ею приговора более высокой судебной инстанцией, виноватой себя не чувствует, смотрит мне прямо в глаза, спокойно

и надменно. И помощь у нее, как нельзя кстати, в лице непосредственного начальника — председателя районного суда А. Д. Золотухина, человека более молодого, нежели Терещенко, и с манерами более приятными и обходительными... Вот он-то вдруг ничтоже сумняшеся мне и объявил, что якобы «презумпция невинности» нами заимствована из буржуазного права, как бы намекая, что пора кончать с пережитками прошлого...

Задумаешься поневоле, кто вершит над нами суд, кому Фемида доверила судьбы людей. Не о таком ли правовом нигилизме говорилось на февральском Пленуме ЦК КПСС?

Уроки демократии

«Николай Борисович поднял смычок. — Первая вещь называется «Прощание с номером гостиницы в Тамбове», — объявил он так, словно имел в виду не только Данилова, но и невидимых слушателей, возможно, притихших где-то рядом.

Он стал играть, но никаких звуков Данилов не услышал. Прощание с гостиницей, видно, было элегическое, что-то произошло у Земского в Тамбове, смычок проплывал мимо струн на малом от них расстоянии в задумчивости и грусти».

Владимир Орлов
«Альтист Данилов».

...Ах, как легкомыслен был Алексей Максимович Горький, однажды обронив о Тамбове, что город похож на скучный сон. Неглубокое, осмелюсь заметить, наблюдение. Хотя в пору поправиться — конечно, время меняет характер и нравы городов. Мне же кажется, что за толстой каменной кладкой старинных тамбовских домов, как и за более легкими перекрытиями современных зданий, сегодня нередко бушуют демонические страсти, за которыми, словно звон скрецаиваемых шпаг, угадывается столкновение различных мнений, убеждений, оценок, жизненных позиций... Непросто, а главное, небескрасно это столкновение.

Не первый раз приезжая в командировку по письму человека с критикой в адрес местных должностных лиц, ощущаю гнетущую атмосферу настороженности, неприязни, а то и скрытого противодействия, как будто бы залез в чужой огород считать грядки, а хозяин тут же за частоколом наблюдает за тобой с раздражением: «Ну, что он там копается, какое ему дело до моего огорода?» Иной раз даже провернешь себя: а не преувеличены ли эти ощущения? Ан нет... Чего стоит хотя бы «дружеское напутствие» одного из руководителей Тамбовской областной прокуратуры — в разговоре он невзначай заметил: «Вы у нас в городе будьте поосторожней, возможна любая провокация». Тогда, откровенно, не придал этой фразе особого значения... Но, сопоставляя факты, вни-

кая в тончайшие нюансы истории с «ликвидацией Зотова», неожиданно для себя обнаружил, что постигаю особую методологию, выработанную здесь для расправы с неугодными, и сразу становится ясно, что мой доброжелательный собеседник был далек от шуток.

С самого начала «Дело Зотова» не было однозначным, за молодого начальника ПМК на разных этапах заступались и руководители областного управления сельского хозяйства, и партийное бюро организации, которую он возглавлял, и даже некоторые представители правоохранительных органов... Заместитель начальника отдела Тамбовского областного БХСС подполковник милиции Вячеслав Матвеевич Блинов, сам опытный сыщик, спец по так называемым хозяйственным делам, с момента возбуждения уголовного дела пытался предотвратить ошибку следствия. Видел, что не туда палку гнут, да и партийная совесть не позволяла человеку отвести в сторону глаза. Чем это для него обернулось — другой вопрос. И вообще где они сейчас, зотовские заступники? Одних сняли, других усмирили, третьих примерно наказали в назидание остальным... Не так-то просто противоборствовать всеильным!

Вот сидит передо мной бывший brave военный Николай Стефанович Чеплыгин. Сын бойца 1-й Конной армии, до войны скромный тракторист-прицепщик, а потом солдат. Кандидатскую карточку носил в гимнастерке, защищая Москву, в партию вступил под Сталинградом... Был четыре раза ранен, контужен, все выдержал фронтовик на пути с первого по последний день войны, следы пуль зарубцевались, а вот проникающее ранение от грязной анонимки по сей день не заживает. Он уже не brave офицер, он «потерпевшая сторона».

Будучи в свое время заместителем начальника областного управления сельского хозяйства по кадрам, Чеплыгин в расправе над Зотовым занял принципиальную позицию — взял да и заявил во весь голос, что, мол, судите невиновного... И тут же на него впервые в жизни начали поступать анонимные жалобы.

В истории с Чеплыгиным случилось то, что случается редко... Анонимщик был пойман с поличным, и это установлено соответствующим актом почерковедческой экспертизы. Им оказался некто Н. В. Чекунов, человек с сомнительной репутацией, с «придуманной» для получения льгот легендой о военной инвалидности, за что против него было возбуждено уголовное дело, и только Указ об амнистии помог Чекунову избежать заслуженного наказания.

Казалось, все стало на свои места, но куда там... По непредсказуемой логике на защиту анонимщика горой стал... обком партии в лице ответственного работника партийной комиссии И. И. Алабичева. Ветераны партии, войны и труда рассылают повсюду письма, они требуют наказать Чекунова, ибо амнистия если и прощает участника войны, то не может освободить от ответственности коммуниста за клевету и преступные действия. Но все напрасно... С Чекунова сняты обвинения, в том числе и только что наложенный партийный выговор, а Чеплыгин вы-

нужден уйти с работы с занесением партийного взыскания в учетную карточку. Попробуй объяснить подобные метаморфозы!

«Фантазмагорический композитор» из романа Владимира Орлова Николай Борисович изобрел новое направление в искусстве, так называемый «тишизм», утверждая, что традиционная музыка — «ложь и побрякушка», нотные знаки — отживающий анахронизм, а будущее за такой музыкой, которая будет звучать лишь внутри каждого из слушателей. С одной стороны, она тишина, а с другой — самая что ни есть истинная внутренняя музыка с полной свободой выбора мыслей, звуков и чувств. Вот и остается гадать, какая музыка играет внутри каждого из тех, кто вопреки очевидному обвиняет невинного, выдает подлость за благородство, провозглашает глупость и опускает глаза на здравый смысл...

В городе Тамбове не принято произносить слово «анонимка», здесь ему придумали более спокойное, нейтральное звучание: «письмо без подписи». Куда ни глянь — повсюду эти безымянные послания, не самые лучшие образчики эпистолярного жанра — в милиции, прокуратуре, советских и партийных органах, как будто их штампует какая-то дьявольская фабрика с целевой программой и заданием по валу. И задумываешься поневоле, а не потому ли так плодovit тамбовский анонимщик, уверенный до недавнего Указа, что в инстанциях его скромная цидулька от машинки со слепым шрифтом найдет встречные благосклонность и понимание, послужит поводом к очередному разбирательству и подobaющих в таких случаях выводах. Ведь что получается... Всех пострадавших участников этой истории постигла подобная участь — писали анонимки на Зотова, Чеплыгина, Блинова... Каждое письмо без подписи с готовностью рассматривалось, по каждому и выносилось суровое решение.

В процессе подготовки этого материала выяснилось, что благосклонного внимания тамбовских анонимщиков не избежал и автор этих строк. Письмо за подписью жены Адамова с грязными обвинениями в адрес работников «Огонька» ушло в высокие партийные инстанции. Естественно, приехав снова в Тамбов, я разыскал Адамову, естественно, убедился, что ничего подобного она не писала, естественно, взял с нее об этом расписку. Более того, стало известно, что подобную проверку уже сделала областная прокуратура. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что эта анонимка не уничтожена, а приобщена к «Делу Зотова и якобы его сообщников» как вполне достоверный документ. Спрашивается: какой резон? Заодно хочется сделать предупреждение: «Будьте внимательны, товарищи! Анонимщик тоже перестраивается».

86 человек подписали письмо в редакцию в защиту Зотова — рабочие, инженеры, техники, бухгалтеры, машинистки... Попробуй каждого расспроси. А не проще ли собрать рабочее собрание и высказаться всем, кто о чем думает, — с таким предложением обратился я в партийное бюро ПМК и, получив согласие, в назначенный день и час приехал в орга-

низацию... Но случилось в общем-то маловероятное. никак не вписывающееся в арсенал нынешних демократических завоеваний. Преемник Зотова, начальник колонны А. И. Попов, категорически запретил какие-либо собрания, тем более в здании ПМК, ссылаясь при этом на строгую установку райкома и обкома КПСС. Был поздний час, люди, оповещенные объявлением, после работы не расходились, на улице шел сильный снег, страсти накалялись... Посоветовавшись с членами партбюро, решили во избежание стихийного митинга перенести все на завтра.

На следующий день в местной гостинице «Тамбов» случилось ЧП... Вечером ко мне в номер постучали сначала двое, представились, что из ПМК, попросили разрешения пригласить своих товарищей, выяснилось, что приехал целый автобус... Поднимались на второй этаж, проходили в небольшой номер, шаркали сапожищами по аккуратным гостиничным половикам, бушлаты и брезентовые робы складывались в ванной, строгая дежурная, очевидно, от изумления потерявшая дар речи, то ли ретировалась, то ли побежала «согласовывать», и только молоденькая дежурившая в тот вечер горничная потом мне призналась, что незаметно, на всякий случай, подсчитывала количество гостей — их оказалось без малого сорок человек.

Что там элэгии Николая Борисовича с его «тишизмом», скучным Моцартом и меланхоличным Гайдном, у меня в номере бушевали громоподобные вагнеровские тембры, дрожали люстра и посуда в серванте, повсюду виднелись пышные бороды и задубелые от мороза скулы, пахло оттаявшим ворсом подшлемников и гарью электросварки... На скромной гостиничной кровати, застеленной казенным одеялом, где грезились мне по ночам одинокие командировочные сны, теснились в ряд бульдозеристы вперемешку с механизаторами, люди стояли, плотно набившись в маленьком коридоре, сидели на полу, облепили стол и холодильник. ...Впечатляющим оказался урок демократии по-тамбовски!

Когда дошло дело до выборов председателя собрания, я высказался, что, мол, не надо протокола и так все ясно, со мной не согласились, говорили громко, но в общем-то организовано. Рабочий класс защищал Зотова.

«Разве нормальный человек способен написать анонимку? — рубил рукой воздух очередной оратор. — А ведь из-за этих подметных писем постоянно «трясли» ПМК, — возможно, это дело рук бездельников со 2-го этажа конторы, которых Зотов заставлял трудиться как положено, или им подобных». «Он имел право спрашивать с людей, потому что все объекты были полностью обеспечены материалами, без работы никто не сидел, заработки были стабильно высокие». «Зотова боялись лодыри и пьяницы, он их не жаловал, но даже они понимали, что начальник ПМК был всегда справедлив». «При Зотове начали строить жилье, люди впервые почувствовали о себе заботу». «То, что произошло с Зотовым, не ошибка — это умышленная расправа, произвол и беззаконие, виновные за это должны ответить...»

Грозные молнии сверкают сегодня на тревожных дорогах перестройки. Управленческий аппарат, долгие годы отлаженный в режиме работы только «сверху-вниз», сдавать позиции не собирается, что ему «обратная связь», «встречные потоки», бюрократии гораздо удобнее безоговорочное послушание низов, насаждаемое мелкой опекой и оскорбительным надзором, нежели самостоятельность и инициатива масс.

Странное дело, но трагедия Льва Зотова случилась не в какие-то стародавние времена, а уже после апрельского Пленума и после съезда, в середине 1986 года, но ни один механизм уже тогда провозглашенной демократизации не сработал, чтобы защитить человека от дурных наветов, клеветы и произвола. Справка о якобы допущенных злоупотреблениях Зотова была составлена в кабинетах партийной комиссии при обкоме КПСС, после чего получила статус неоспариваемого документа. Пускай партийное собрание ПМК выразило недоверие к изложенным в ней фактам, пускай партийное бюро этой организации в полном составе единогласно проголосовало за резолюцию: «со справкой парткомиссии не согласиться» — именно она послужила основанием для исключения Зотова из партии — для разбирательства потребовалось, как помните, всего несколько минут. Вспомним, что сказал Михаил Сергеевич Горбачев на опять же февральском Пленуме ЦК КПСС: «Мы видим, с каким трудом преодолевается один из застарелых, глубоко укоренившихся пороков — приверженность многих партийных комитетов, их аппарата методам командования, стремление всем диктовать, за всех решать. Чего тут только не пускают в ход!»

Когда на человека долгое время собирают досье, по-своему фиксируя каждый его шаг, каждое движение, каждый поступок, невольно может создаться впечатление о глубоко проделанной работе. Но во имя чего эта работа? Во имя дела? Или во имя резона, о котором говорил декабрист Лунин? Видел я пухлые папки с описанием всех зотовских грехов, комментировать их не собираюсь, но тот, кто бы решился объективно и всесторонне проверить их содержание, уверен, наткнулся бы на, мягко говоря, неточности, фальсификацию, передержки, а главное, на явную предвзятость. Вот показывают мне контрольные замеры, чертежи дачи, построенной на садовом участке даже не Зотовым, а его тещей, — вот, мол, оно, нарушение. Я перед этим не поленился, съездил на тот участок, видел хоромы, воздвигнутые там различными руководителями областного ранга, — дача, о которой речь, и в подметки им не годится, спрашиваю, естественно: «А почему их не проверяете, не обмеряете?..» В ответ следующее: «А зачем? На них же анонимок не поступало...»

Дорога, ведущая в храм...

«Убийство? — высоко подняв брови, переспросил Сенека. — Скажи лучше: защита государственных интересов, и тогда ты сможешь улыбаться».

Дежё Костоллани
«Нерон, кровавый поэт».

Пусть не вздрагивает читатель — ни о каких кровавых расправах речь далее не пойдет, время не то, и люди не те... Но хотим мы или не хотим, на далеко не безоблачном горизонте наших жизненных устремлений все чаще возникает отнюдь не риторический вопрос: а не пора ли предьявить счет бессмысленной жестокости?

Пока этот материал готовился к печати, Зотов получил из Москвы извещение о том, что заместитель председателя Верховного суда РСФСР внес протест в президиум Тамбовского областного суда по поводу вынесенного им приговора... уже в отношении халатности. С момента ареста Льва Петровича до сегодняшнего дня, когда приговор отменен, прошло долгих пятнадцать месяцев, которые вряд ли назовешь лучшим периодом в его жизни, тем более почти половину этого времени пришлось отсидеть в тюрьме. Кто компенсирует ему тяжелые моральные потери, кто возместит не только материальный ущерб, но и глубокие душевные раны, боль и страдания родных и близких, потерянное здоровье?

Можно предположить, что ошибка с Зотовым — единичный, исключительный случай, вопиющее, но всего лишь досадное недоразумение? Как бы не так... Примерно такая же участь постигла еще одного неугодного специалиста из здешних краев — директора совхоза «Краснозвездинский» Мучкапского района Александра Николаевича Кондакова. Тот тоже слыл толковым хозяином, в рот вышестоящим не заглядывал. Прокуратура его «поймала» на внедрении коллективного подряда. Позже также выяснилось: следствие велось предвзято, человек ни за что ни про что пять месяцев отсидел в тюрьме. Трижды его дело рассматривалось в суде, и трижды суд принимал решение оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Кондакова пыталась защитить «Советская Россия», опубликовав статью «Как судили подряд». «Правда» процитировала такие строки его письма: «После последнего суда уже прошло три месяца, а я по-прежнему не восстановлен ни на работе, ни в партии. Неужели у нас на Тамбовщине свои законы, неписанные? Ибо как понять, что у тех, кто меня оговаривал, даже волосинка с головы не упала, а я так и остался без вины виноватым!..»

После этих публикаций в редакции вышеназванных газет наведался следователь Тамбовской областной прокуратуры А. И. Немчинов. Пробовал защищать честь мундира, требовал опубликовать опровержение. Лично я удостоился более высокой чести. Сразу после моего отъезда из Тамбова в редакцию «Огонька» приехал секретарь Тамбовского областного комитета КПСС В. Е. Зверев. Предупредил: «Не того человека берете под защиту. Может быть, Зотова и впрямь незаконно привлекли к уголовной ответственности, но из партии исключили правильно».

Странная реакция секретаря обкома, курирующего административные органы. Не он ли в том числе несет ответственность за брак в работе тех самых органов?

Председатель коллегии по уголовным делам, заместитель председателя Тамбовского областного суда Николай Николаевич Абашин — человек, по моему убеждению, способный трезво и объективно оценить происходящее, не без горечи посетовал, что следственная машина прокуратуры частенько сбивается на односторонний ход, как принято говорить, обвинительного уклона. В результате уже с начала года несколько дел областной суд отправил на доследование. Да, в случаях с Зотовым и Кондаковым нарушена социалистическая законность, но разве только этими случаями исчерпываются промахи работников прокуратуры!.. Мой собеседник готов был назвать еще несколько подобных дел.

Подумалось, как же легко и просто следственный аппарат прокуратуры может быть использован для удовлетворения чьих-то амбиций или местных интересов. Подобная практика напоминает игру в одни ворота, где обвиняемый в любом случае — пострадавший. Достаточно арестовать человека, посадить его за решетку, а там видно будет: найдутся весьма веские доказательства для осуждения подсудимого — хорошо, нет таковых — пожалуйста, как говорится, освободите помещение... Извиняться, поверьте, не станут. Да только человек уже смят, стерт... Кондаков, например, был исключен из партии по обвинениям, которые суд напрочь отменил уже в первой инстанции. Теперь при условии, что для него все будет хорошо, сколько потребуется ему еще сил и времени, чтобы восстановить свое доброе партийное имя. Не здесь ли стержень точно выверенной системы для расправы с неугодными, механизм которой способен действовать только в условиях полной безнаказанности должностных лиц, владеющих правом санкционировать неоправданный арест?

Кому-то это выгодно, более того, кто-то грудью готов встать на защиту «аппарата устрашения». На одной из встреч с секретарем обкома партии В. Е. Зверевым в Тамбове присутствовали руководители областного управления внутренних дел, суда и прокуратуры, партийные работники. Я честно высказал свою точку зрения на происходящее: неизвестно, в каких целях пытались сфабриковать «громкое дело» Зотова, действовали при этом предвзято — пренебрегли законностью. Некоторые из присутствующих на этой встрече со мной согласились. Тогда секретарь обкома, вникший в существо вопроса, завел речь о правомерности привлечения к партийной ответственности следователя прокуратуры и судьи. И здесь буквально взвился из-за стола заведующий отделом административных органов обкома Ю. А. Шутилин: «Я не согласен с вами, Вячеслав Егорович, выходит, приехал корреспондент — мы все и лапки вверх...»

Вот и весь расклад... Не оттого ли так спокойно смотрели мне в глаза вершители судьбы Зотова, когда я наивно пытался отыскать на их лицах следы покаяния? Не здесь ли первопричина? Кстати, именно Ю. А. Шугилин жестоко рассчитался с подполковником милиции В. М. Блиновым за его якобы «вмешательство» в дела следствия, походя, при случае обвинив офицера в сращивании с преступником, а потом, опять же пользуясь приемами недобрыми, сомнительными, добился понижения его в должности.

...Наверное, Зотову пришлось все-таки труднее, чем другим. «Понимаете,— говорил мне бывший начальник областного управления сельского хозяйства Сергей Макарович Филимонов,— я, например, был фигурой: член областного комитета, депутат и так далее... А кто такой Зотов в масштабе области? Работник среднего звена, не более того... А ведь им лично занимался председатель партийной комиссии при обкоме КПСС, сам Н. П. Коротков — человек с железной хваткой и непререкаемым авторитетом, к тому же Герой Социалистического Труда. Вообще удивляюсь, как Зотову удалось открутиться от тюрьмы...»

Много и я слышал о Николае Петровиче Короткове, видел его портрет в местном краеведческом музее, затем довелось встретиться с ним лично, беседовать... Первое впечатление: волевой, властный руководитель, готовый непоколебимо защищать чистоту партийных рядов. Правда, люди, работавшие с ним в бытность его первым секретарем Сосновского райкома партии, имели о нем и другое мнение, а именно: деспотичен, капризен, злопамятен... Но, абстрагируясь от его прежних и настоящих заслуг, не принимая также во внимание бытующую поныне людскую молву, как соизмерить с сегодняшним днем методологию его действий? Уж на такой-то должности никак не может быть слепой функционер или бездумный страж порядка.

...Как страшный сон будет вспоминать жена Зотова, Людмила, тот день, когда ее прямо из музыкальной школы, где она работает преподавателем, забрали и отвезли на машине в обком партии. Допрос вел лично Коротков. «Будете выгораживать мужа — посадите мать» — примерно в таком тоне шел «разговор по душам», касавшийся будто бы лишних метров на садовом участке. Даже истерика и нервный припадок, случившиеся с женщиной в стенах обкома, не смогли сдержать служебный пыл допрашивающего.

Вызывал Коротков к себе и Михаила Колодина, молодого шофера ПМК, в то время кандидата в члены КПСС, посадил его за стол, достал чистый лист бумаги: «Пиши, сынок, все про Зотова и Филимонова, припоминай, куда их возил, и не жалей, а то они тебя посадят». «Когда я ему ответил,— вспоминает Колодин,— что ничего компрометирующего Зотова и Филимонова сообщить не могу, Коротков стал стучать ногами, кричать на меня. Потом я узнал, что в это время его помощник прямо на работе допрашивал мою жену, тоже пытался чего-то выведать...»

Поразительная узнаваемость ситуации... Волевой нажим, неразборчивость в выборе средств для «выбивания» нужных «показаний», жесткие методы изболтывания, ничего не имеющие общего с уважением к личности, к чести и достоинству человека. Но тогда возникает главный вопрос, а партийны ли по самой сути своей такие методы?

...Посмотрим правде в глаза, постараемся понять жизнь такой, какая она есть. Разве дело только в тамбовских коллизиях? Возвращаясь к роману «Альтист Данилов» и припоминаю, что действовали там еще хлопобуды или будохлопы из Настасьинского переулка — инициативная группа хлопот о будущем. Хлопобуды примеряли себя к будущему, опасаясь из него выпасть, ведь всякие перестройки и ломки — это разрушение, вслед за которым наступает новое качество... А сможем ли ему соответствовать? — вот в чем тревога вопроса... Чиновника, никогда ничего не делавшего, а только поучавшего, как делать, нынешняя подвижка догм и стереотипов поневоле заставила задуматься, а не зашаталась ли ножка кресла, в котором долгие годы было так спокойно и сыто дремать? Вот и встрепенулся он, активизировался, все, что шевелилось под ним не в ту сторону, сразу попало в разряд врагов, поскольку пользы он никогда не приносил, любое возражение ему кажется опасным.

Стираются от частого употребления, теряют свой изначальный смысл весьма полезные для общего дела слова, такие, например, как «дисциплина» и «порядок». И так ими вертят, и сяк... Только уместно спросить тех, у кого они заготовлены на любой случай жизни: ради чего дисциплина, ради чего порядок?

Перед отъездом из Тамбова меня принял второй секретарь обкома партии Лев Михайлович Щербаков. Говорили обо всем, и о Зотове в частности... Очевидно, в качестве комментария к его судьбе была мне рассказана притча о некоем здешнем «начальнике газификации», на которого писались анонимки, из, как положено, шли за ними одна за другой проверки; а проверялся каждый газовый ввод, каждый подсоединительный штуцер... «И что вы думаете, не выдержал человек, умер. Вот так-то, — заключил свой рассказ мой собеседник, глядя мне в глаза и ласково пожимая руку, — никто нам без дисциплины жить пока не разрешил!»

Сидя в большом обкомовском кабинете, я попытался представить себе 1918 год, каким его рисуют на картинах и показывают в кинофильмах, — остановившиеся заводы и фабрики, паровозы без топлива, повсюду голод, разруха, тиф... Известно, как был беспощаден Ленин ко всякого рода проявлениям контрреволюции — саботажникам, спекулянтам, казнокрадам, взяточникам... Но именно в те страшные для республики июльские дни 1918 года рукой Ильича написаны следующие слова: «Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и бед-

нейших крестьян... дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе». Что здесь еще можно добавить...

Оторопь берет, когда исчезает различие между правдой и ложью, когда слово не имеет ничего общего со смыслом, который в него вложен. Не на почве ли такой словесной эквилибристики долгие годы вращивалась двухслойная мораль говорить одно, а думать и делать другое? Как легко уживается жестокость с такой моралью.

Тамбов.

ВКУС БОРЬБЫ

Поднимаясь с одного из местных аэродромов, вертолеты резко брали курс на Восток.

Они летели из Астрахани в ту, скрытую от посторонних глаз часть дельты Волги, где в тихих протоках нагуливают жир разные рыбы ценных пород. А на безлюдных, заросших камышом берегах гнездятся непуганые дикивинные птицы.

У пассажиров вертолетов было прекрасное настроение — еще бы: они предвкушали массу удовольствий, которые может подарить этот редкий по красоте заповедный край.

То, что происходило внизу, под винтом вертолета, они не видели...

Те проблемы, что из года в год терзали Астраханскую область, их, очевидно, и вовсе не волновали.

Иначе чем объяснить такой загадочный факт? В течение двадцати лет каждую осень Брежнев приезжал сюда на охоту. То, что первое лицо страны находится в здешних местах, кому-то, может быть, и было известно, — во всяком случае, районы по разнарядке получали задание готовить подарки дорогому гостю. Но это были исключительно светские вояжи. Ни разу за все это время Брежнев не выступил с трибуны собрания партийно-хозяйственного актива области или города, ни разу не беседовал с простыми астраханцами.

А повод для разговоров, безусловно, был. Не первый год Астраханская область катилась вниз, как катятся волжские струи к Каспийскому морю. На глазах разваливалась экономика, нелепые перекосы уродовали сельское хозяйство. В результате экстенсивного развития производственного потенциала на старой технической основе с 1970 года более чем на пятьдесят процентов снизился выпуск товарной продукции, коэффициент сменности оборудования оказался самым низким в областях Поволжья, каждое третье предприятие не выполняет план по производительности труда.

Когда-то окрестили эти места «огородным цехом страны» — область с населением в один миллион человек ежегодно выращивает около 900 тысяч тонн овощей, арбузов и фруктов. Тем не менее астраханцы не мо-

гут обеспечить себя капустой, морковью, огурцами, луком и свеклой. Львиная доля земельных угодий занята под бахчевые, которые почти полностью вывозятся за пределы области. Объем сельскохозяйственного производства в 1987 году снизился на 6 процентов, не выполнены задания по закупке мяса и шерсти, уровень рентабельности едва превысил 4 процента, по надоям молока астраханцы одни из последних в России.

Если бы в свое время Леонид Ильич и его спутники хотя бы раз спустились на грешную в буквальном смысле землю и неторопливо прошли по улицам Астрахани, то они непременно увидели бы лагути и трущобы в центре города, покосившиеся от старости дома с удобствами во дворе, утопающие в грязи переулки и тупички. В таких условиях сейчас проживают более 40 тысяч человек — ветхий, подлежащий сносу жилой фонд составляет почти полтора миллиона квадратных метров. До сих пор в областном центре нет ливневой канализации. 160 километров водопроводных и других коммуникаций находятся в аварийном состоянии.

Ну, а о чем, резонно спросить, думали все эти годы местные партийные органы — областной и городской комитеты, райкомы? Согласимся: от Москвы до Астрахани далеко, ну, а здесь-то все свое, все под боком... И черной «Волги» с радиотелефоном не надо — пешком можно прогуляться к кварталам, где с неумолимой жестокостью обнажились сегодня последствия бездумности и равнодушия, наплевательски-пренебрежительного отношения к людям.

До совсем недавнего времени на астраханском небосклоне было безоблачно, как бывает здесь в середине лета, когда нещадно палит южное солнце. В обкоме привычно шуршали бумагами, спускали директивы в нижестоящие партийные звенья, обкомовские комиссии выезжали на места, проводились различного уровня и масштаба заседания, на которых, как принято, отмечались «отдельные недостатки...». Вряд ли кто серьезно задумывался, а есть ли реальный толк от этих метко прозванных в народе «говорилен», каков их коэффициент полезного действия, в чем состоит, выражаясь по-нынешнему, конечный результат? Жизнь катилась по хорошо накатанной, спокойной колее, будто бы в рамках негласного сговора ничего коренным образом не менять.

Но вот наконец-то грянул гром! В прошлом году ЦК КПСС принял постановление «О серьезных недостатках в перестройке работы Астраханского обкома партии». В этом документе обоснованные претензии предъявляются не только членам бюро, но и конкретному человеку — первому секретарю Л. А. Бородину, в течение более двадцати лет возглавлявшему областную партийную организацию. Спустя год, нынешней весной, «Правда» в статье «Вянет лотос» подвергла критике за командно-нажимной стиль в работе секретарей обкома В. А. Аракеляна и К. П. Воронову, констатировалось, что реальных сдвигов в лучшую сторону в области по-прежнему нет, перестройка здесь явно пробуксовывает... Атмосфера накалялась. К тому же свое недоверие Л. А. Боро-

дину выразили некоторые первичные партийные организации Астрахани. И произошло то, чего следовало ожидать. 31 мая пленум областного комитета партии освободил Л. А. Бородину от его обязанностей. Первым секретарем Астраханского обкома КПСС был избран Иван Николаевич Дьяков, ранее работавший вторым секретарем Краснодарского крайкома партии, а в последнее время инспектором ЦК КПСС.

Начало

Я ехал в Астрахань, чтобы своими глазами увидеть человека, которому выпала судьба поднимать неподъемное... Я понимал, что набор красивых восхвалительных эпитетов из привычной журналистской облоймы вряд ли потребуются, потому что у этого человека на его сегодняшнем поприще пока нет ни заслуг, ни завоеваний, есть только, как было сказано, неподъемная ноша да груз ответственности за начатое дело. Конечно, было интересно узнать, какие первые шаги намерен сделать первый, с какими мыслями берется он за штурвал корабля, который уже давно плохо держится на плаву, какой выберет курс, чтобы преодолеть не только открытые грозные штормы сразу навалившихся проблем и забот, но и невидимые глазу мели и рифы скрытых противодействий, ибо навивно было бы полагать, что стихия задубелой вседозволенности запросто, без боя сдаст позиции и не захочет попробовать на зуб, а крепок ли сам капитан.

Первый шаг, коли уж мне судить, Дьяков сделал простой, но в то же время в какой-то степени символический. Однажды утром, придя на работу, работники аппарата не увидели привычного милицейского поста у входа в здание обкома партии. Все действительно просто и ясно — ни затрат, ни усилий, кое-кто даже позволил себе ухмыльнуться: вот, мол, она, показная демократия, теперь все, кому не лень, будут гулять по кабинетам обкома. Мне же показалось, что этим шагом Иван Николаевич ответил на заданный ему вопрос: «В чем он видит главную ошибку своего предшественника и какими путями и способами думает ее исправлять?»

— Преодолеть отчуждение от людей, — решительно говорил собеседник, — разрушить невидимую, но прочную стену, воздвигнутую между обкомом и массами. Увы, к сожалению, болезнь эта не региональная... Будем откровенны: с годами мы оторвались от низов. Многие работники партийного аппарата забыли простые истины: в какой среде выросла партия, откуда получила свой авторитет, для кого создана и кому служит? Сопереживать людским нуждам — это не подвиг, это норма партийности, ниже которой можно спросить руководителя: «А как ты оказался в рядах КПСС?»

Теперь уже в прошедшем времени рассказывают о несколько комичной ситуации, которую, сообразуясь с обстановкой, создал Дьяков, чтобы у некоторых областных начальников раз и навсегда отбить охоту

легко давать людям обещания и так же легко их не выполнять. Обнаружив в первые дни своего пребывания в Астрахани пустые прилавки на центральном рынке, он спросил у двух зампредов облисполкома, один из которых возглавляет агропром, а нельзя ли в выходные дни организовать продажу мяса, закупленного у населения колхозами и совхозами. Те с привычной интонацией «будет исполнено-с» ответили утвердительно. Мало того, что пообещали первому секретарю, еще и по местному телевидению (конечно, по настоянию Дьякова) лично сделали нововведению широкую рекламу.

— У меня рубашка взмокла от пота, так было стыдно, — вспоминает Иван Николаевич ту злополучную субботу, когда народ ринулся на рынок, а колхозы словно в насмешку привезли пятнадцать баранов да тонн пять говядины — это-то для города с населением почти в полмиллиона человек.

На следующий день зампреды давали объяснения, клятвенно заверяли, что все наладится, но Дьяков разговаривал с ними уже по-другому: «Не мне это объяснять, народу. Завтра по телевидению снова выступите и скажете: мол, так и так, люди астраханские, обманули мы вас. Простите, если можете, а в следующую субботу приходите, не подведем». Так все и было... Хотя председатель облиагпрома умолял: «В два раза больше мяса привезем, чем обещали, только от телевизора избавьте». Но Дьяков был непреклонен: «Надо учиться смотреть в глаза тем, кто доверил вам портфель».

Недавно ходил я между прилавками, своими глазами видел, что толчея здесь несусветная — здоровый признак любого рынка, что парной говядины по три с полтиной за килограмм предостаточно, а люди, с которыми довелось беседовать, в один голос утверждали, что в Астрахани такого никогда еще не было. Появились на прилавках и другие товары, о которых здесь и слыхом не слыхивали, — повезли на рынок заводы свои неликвиды в виде строительных материалов, начали продавать комбикорма по госцене, — благо обстоятельства позволяют многим держать в условиях города домашнюю птицу. Политика и экономика нынче словно родные сестры в обнимку ходят, ни дня одна без другой прожить не может... Улучшилось настроение у людей. А может быть, и вера в перестройку появилась?

«Рифы» и «мели», о которых говорилось, что скрыты они от глаз, выступают наружу, когда дело касается восстановления социальной справедливости, в таких случаях страдает, как правило, своя — не дядина мозоль. Тот, кто по поводу милицейских постов лишь хмыкал, уже не скрывал раздражения, поскольку на этот раз речь шла об ущемлении личных интересов. Шутка ли сказать... По совету Дьякова, в городских партийных, советских и хозяйственных организациях Астрахани намечено изъять и передать очередникам — инвалидам и участникам Великой Отечественной войны почти две тысячи телефонных номеров, причем операция по их изъятию началась с аппарата обкома КПСС и облиспол-

кома. Да и владельцы персональных машин едут сейчас на дачи дружным коллективом, на выделенных автобусах. Правило есть правило: служебный автомобиль — только для службы.

...Сам первый секретарь обкома любит ходить пешком, к тому же видели его и в рабочем поезде, и в рейсовом автобусе... Нередко останавливается, разговаривает с людьми. А иногда пройдет с отрешенным взглядом, со знакомым не поздоровается... О чем он думает?

Одержимость

...Когда-то было начало шестидесятых годов, заводской комсомольский вожак Ваня Дьяков, искрящееся под солнцем море и загорелые новороссийские девчонки, была молодость! Это сейчас Иван Николаевич сидит в своем кабинете в модных очках и строгом костюме, а тогда не ходил — бегал по цехам в спецовке электромонтера и считал себя самым счастливым человеком на свете, потому что жизнь казалась простой и ясной, как умытые весенним дождем дальние морские горизонты. Как чисты и святы в своей наивности были юношеские идеалы поколения, входившего в мир после сурового военного детства и твердо верившего, что в новой мирной жизни все будет только светло и справедливо! Увы, сколько разочарований постигло и это поколение!

Родился Дьяков на хуторе в маленькой станции Краснодарского края, в крестьянской семье, в школу ходил пешком, семь километров от хутора, а в 15 лет пошел работать в колхоз наравне со взрослыми мужиками. Потом снова учился, окончил техническое училище, трудился рабочим на новороссийском цементном заводе «Пролетарий». Так что в графе «Трудовое воспитание» у него все в порядке.

— Хорошие у нас были ребята на заводе, — вспоминает Иван Николаевич, — до сих пор помню комсомольское ядро — два Ивана — Теленьга и Лысенко, Римма Лихоглядова, Владимир Пикуль, Валентина Буц... Я работал монтером и был неосвобожденным секретарем. Самые лучшие мои годы... Сколько было в нас яростной энергии, страсти, вдохновения, желания все перевернуть по-своему, своими руками! И гордились, что завод наш носит имя «Пролетарий». Это истоки... Если чего-то добились мы в жизни, то только благодаря пролетарской заправке, рабочей идеологии — она самая мудрая и справедливая, она отсекает эгоистов, захребетников, нечистых на руку. Помнится, мы шутили: с нашего завода, кроме профессиональной болезни — силикоза, чего еще вынесешь?

Слушал я своего собеседника, и невольно возникает вопрос, без которого, наверное, не обойтись: а вот вы, Иван Николаевич, новый человек, как оцениваете качественный состав аппарата областного комитета, много ли среди ваших подчиненных тех, кто прошел, как и вы, не для галочки в анкете, а по-настоящему «рабочие университеты», все ли уверены, что им доверена не только должность, а в первую очередь право

работать для людей, все ли компетентны, честны перед собой и тверды в убеждении, что перестройка — единственная возможность повернуть жизнь в новое русло?

— Для начала скажу, что буквально через несколько дней после того, как заступил на эту должность, пять руководящих работников обкома положили на стол заявления с просьбой отпустить на пенсию. Но не в этом дело... Утверждать, что наши ряды безупречны во всех отношениях, значит, идти против истины. Буду говорить об этом с болью, но откровенно: безусловно, есть среди работников партийных аппаратов случайные люди — карьеристы, интриганы, мелкие завистники, любители всяких «канцелярских страстей». Есть и такие, кто до сих пор всерьез полагает, что обком, горком, райком — «теплое местечко», где можно удобно и сытно пересидеть. Считаю абсолютно неприемлемыми для партийного лидера такие качества, как вождизм, чванство, самолюбование... Не первый день живу на свете и вижу, как иной партийный функционер уже не идет, а, что называется, несет себя, сгибаясь под грузом собственной значимости. Попробуй до такого достучись...

Как лечить людей от душевной проказы? А зараженные ею есть, и их немало. И не с Луны, и не с Марса свалились они нам на голову, а воспитаны в нашей среде, вышли из наших рядов. Иной раз ощущаешь боль страны, как свою личную, другой раз приходишь к пониманию, что и твое личное горе в определенной степени — беда всей страны. Одна из таких бед, которая тревожит наиболее совестливых в отдельности и все общество в целом, — всеобщее падение нравственности.

В 1969 году отец Дьякова Николай Акимович, прошедший всю войну, скромный колхозник, выписывался из стационарной больницы. Вечером переходил дорогу, чтобы купить папиросы напротив в ларьке. Налетевший грузовик с прицепом сбил человека и, не остановившись, скрылся из глаз — милиция так и не нашла преступника. Дьяков почему-то долго потом пытался представить себе, кто был за рулем: молодой или в годах, высокий или низкий, как он был одет, как причесан? А есть ли у него родители, дети, братья и сестры?.. Такие тоже не с Луны и не с Марса, а из нашей среды, из наших рядов. Горек опыт, печальны плоды, которые пожинает общество, допустившее ослабление нравственных норм.

У Дьякова обостренный, но доброжелательный взгляд на людей. В большом походе, в который он сейчас отправился, ему нужны не пугачики — нужны единомышленники. Ему нужны не те, что работают, чтобы жить, а те, кто живут, чтобы работать. Партийный лидер сегодня должен быть в какой-то степени одержимым: слишком велики завалы, оставшиеся от времен застоя, их надо разгребать, и времени на раскачку нет.

Кредо Дьякова формулируется лаконично: искать полезных людей. Понимать это надо так, что в принципе заставлять кого-то работать невыгодно... Искусство состоит в том, чтобы угадать возможности человека

и максимально использовать его потенциал, при этом необходимо найти точку пересечения интересов личных и интересов дела. Конечно, для этого требуется талант руководителя, но только при этих условиях возможен результат. Подбор кадров — одно из важных звеньев в политической реформе, которую в масштабах области сейчас осуществляет первый секретарь.

Всю жизнь кандидат экономических наук Иван Николаевич Дьяков учился. После технического училища, занимая различные должности и посты, заочно окончил индустриальный техникум, Одесское высшее мореходное училище, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Учился не только в учебных заведениях, но и у старших, более опытных товарищей. Аккумулировал в себе все лучшее, созданное коллективной мудростью Партии. Теперь, когда пришли знания, опыт, зрелость, а кровь будоражит неумное, бешеное желание действовать и созидать, очевидно, настала пора отдавать долги.

Доверие

Партийные лидеры сегодня — как генералы в блиндажах переднего края. За ними — стратегия и тактика борьбы, за ними — умение развернуть в цепи самых стойких и надежных. Но и от них лично требуются высокие духовные качества — принципиальность, объективность, искренность...

Проблема проблем для Астраханской области — строительство жилья. Свыше 52 тысяч человек только в Астрахани стоят в очереди на улучшение жилищных условий, к 2000 году здесь предстоит соорудить 8 миллионов квадратных метров жилой площади — фактически построить еще один город, равный областному центру. Как решить эту задачу? Без учета реальной обстановки, чисто автоматически эта задача неразрешима.

В поселке Кирикили на окраине Астрахани сейчас создается крупный промзональный стройиндустрии. Строительство жилых домов в ближайшее время будет поставлено на поток. Но астраханцы должны знать, что значительно возросшие мощности требуют дополнительных людских ресурсов. Заинтересованным, как говорится, карты в руки. Дьяков не устает разъяснять людям, что спасти положение можно только с помощью расширения строительства жилья хозяйственным способом, повсеместного создания молодежных жилищных кооперативов, индивидуального строительства. Решать самую острую социальную проблему надо всем миром.

В местном краеведческом музее попался на глаза плакат 30-х годов. На нем изображен гигантского роста рыбак, шагающий с перекинутым через плечо здоровенным осетром навстречу заводским трубам и домам. Подпись внизу гласит: «Ускорим строительство социализма — да»

дим рыбу пролетариату индустриальных центров». В шутку спросил у Дьякова: «Дойдет ли когда-нибудь рыбак до пунктов назначения?»

Иван Николаевич ответил не сразу, помолчав, видно, вопрос оказался не из легких:

— Скажу откровенно, что пока для меня здесь много непонятного... О каких можно говорить индустриальных центрах, если за все эти годы рыбак от дельты Волги и до Астрахани еще не дошел. И, наверное, никогда не дойдет... С одной стороны, абсолютная государственная монополия на красную рыбу, с другой — полное пренебрежение элементарными экологическими условиями для ее сохранения и воспроизводства. Не буду говорить подробно — пресса об этом довольно широко пишет. Скажу только, что для меня это пока недостаточно изученный участок работы. В первый день своего приезда в Астрахань увидел прилавки магазинов, заваленные осетровыми головами. Выходит, туши и икру продаем за валюту, а своих граждан кормим тем, что в пору выбрасывать... Согласитесь, есть что-то в этом оскорбительное, унижающее наше национальное достоинство.

Долгие годы в Астрахани продавали рыбу из-под полы. И сейчас в людных местах предлагают по спекулятивной цене леща, воблю, другие породы. Удивляться здесь нечему — в области зарегистрировано 70 тысяч индивидуальных плавучих средств. По инициативе Дьякова впервые горисполком дал разрешение торговать рыбой на рынке. Удобно покупателям и тем, кто решил продать излишки, — спекулянт и браконьер на рынок не сунутся.

А вообще Иван Николаевич мечтает о развитии и хорошо обеспеченном кормовой базой прудовом хозяйстве. Будут в колхозах пруды — в изобилии появится рыба на прилавках астраханских магазинов, да и индустриальные центры внакладе не останутся. У хорошего хозяина нынче развязаны руки. И не случайно обком партии ориентирует людей на самостоятельность, социалистическую предприимчивость. Надо учитывать климат и громадные площади засоленных почв, которые после многократных засевов арбузами не будут плодоносить в течение нескольких десятков лет, поэтому ставится вопрос развития давно забытого овцеводства, надо наконец-то научиться реализовывать то, что научились производить. Вспомнил Дьякова уже в Москве, когда увидел у станций метро полные арбузов машины с астраханскими номерами. Впервые хозяйства области на арендованном транспорте сами продают свой урожай.

Отнюдь не розами усыпан путь лидера. И нет пока на его счету громких побед и крупных завоеваний. Есть надежда людей, доверивших сегодня первому секретарю свою веру в перестройку. Не нам судить, плох или хорош Дьяков, об этом, когда придет время, скажут сами астраханцы. Но есть приметы нового, происходящего на этой земле.

Это ставший привычным для горожан «прямой провод» связи с обкомом партии, ожившие рынки и выездные заседания облисполкома на местах, только что открытые специализированные магазины для инвалидов и участников войны и улучшающееся с каждым днем транспортное обслуживание... Это и буйно разросшаяся трава сквозь бетонные плиты той самой площадки, которая еще сравнительно недавно принимала одновременно три вертолета.

Астрахань — Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

10-я площадка	3
Кто нам ломает крылья	24
Вкус борьбы	38

БОЛОТИН Александр Юрьевич

КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ

Редактор В. В. Белецкая

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 2.04.90. Подписано к печати 15.05.90. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,14. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2146. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!**

Вы сможете слушать у себя дома
самые популярные группы
и ансамбли любых направлений,
если воспользуетесь услугами
СТУДИЙ ЗВУКОЗАПИСИ.

Запись можно сделать на магнитную
ленту, компакт-кассету или тон-диск.

**СТУДИИ ЗВУКОЗАПИСИ ГАРАНТИРУЮТ
КАЧЕСТВО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ.**

«Бытреклама»